

СМЕНА

14 1960

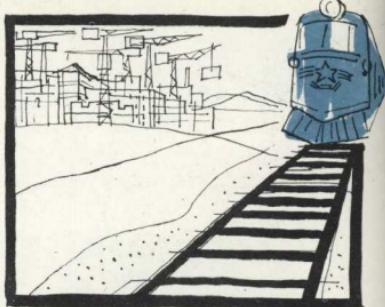
Две в пути...

Час настал, простились они с родными и знакомыми. Пристали к с большим шумным городом, где росли и учились, получали диплом и путевку в жизнь.

— Счастливого пути! — говорили им, пожимая руки, старые друзья.

Впереди дальние дороги, впереди незнакомые станции, и полустанки, и горы, и реки. И вот уже во всей красе, в многообразии удивительных картин открывается взгляду дорога сердцу земли.

→

Окраина города. Высоко в небо взметнулись ажурные стрелы башенных кранов, поднялись строительные башни. Где-то там, на самом высоких пиках, прервав на минуту работу, склонят головы молчаливые паренек-строитель. Может быть, и его манят неоглядные дали, или же знает, чем думает он в эту минуту, провожая взглядом сооружение. Не в том ли, чём думали совсем недавно эти двое, получив диплом, не о дальней ли дороге на восток?

На восток. На восток. На восток... Стучат и стучат колеса. Проносится мимо громады гор. Летит над ними серебристая птица — вертолет. Кого уносит он далеко в горы, в глубинные места, куда ни пройти, ни добраться? Кто ищет в горах? Кто ищет сокровища земли? Таных же, как эти двое, инженеров? Может быть... Всюду бьется горячий пульс жизни.

→

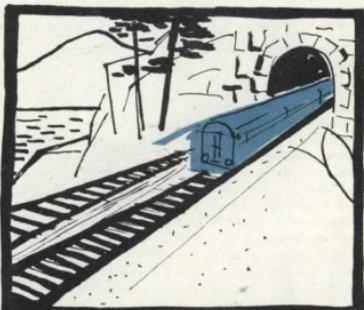

И опять леса новостройки. Но не стены жилых домов, стальные каркасы цехов поднимаются в синее небо. Ещё привычны ли стены сплошные, неутомимо работают экскаваторы. Люди сваривают метал, роют котлованы, укладывают бетон. И недалек час, когда из лесов, пробитых горновым, хлынет в ковши солнечная струя чугуна...

Грохочет железо, мельчают фермы моста... Много рек на большом пути! И плывут по ним нараваны судов. Хлеб и лес, руду и нефть, уголь и машины везут суда в речные и морские порты...

→

А дорога огибает скалы, пробивается между гранитных громад и вырывается в тоннель. За окном гремит темнота...

(см. третью страницу обложки.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

14 ИЮЛЬ 1960

Год издания тридцать седьмой

«СТЫД»

РАССКАЗ

Вилиса
Лацаиса

публикуется на стр. 5.

В ЧЕМ ОНО, СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА?

«В чем оно, счастье человека?» — над этим задумались комсомолцы Таллухинской школы Ярославской области. Они решали попросить людей, умудренных большим жизненным опытом, ответить на этот вопрос.

— Что думает о счастье писатель Леонид Леонов?

— Что скажет Герой Советского Союза Алексей Маресьев?

— Какой ответ даст Герой Социалистического Труда Валентина Гаганова?

— Что скажут об этом другие прославленные люди нашей страны?

И вот из Таллухинской школы в разные концы страны — и в Москву, и на Рязанщину, и на Украину — полетели задушевные письма знатным, авторитетным людям с просьбой ответить на волнующий молодежь вопрос.

А тем временем комсомольцы внимательно читывались в мудрое речь Владимира Ильича Ленина на III съезде комсомола, листали книгу Михаила Ивановича Калинина о коммунистическом воспитании, перечитывали Н. Г. Чернышевского. В каждом классе, в каждой комсомольской группе шел разговор о долге, о чести, разговор открытый, прямой. Потом, когда пришли ответы, комсомольцы собирались все вместе. В зале как бы присутствовали и гости из Москвы, Киева, Рязани, за плечами которых годы упорного труда, отважных схваток на фронтах войны, присутствовали люди, жизни и поступки которых служат бесценными примером для молодого поколения.

Один за другим вскрывались конверты.

(Продолжение
на 2-й стр.)

О труде и отдыхе, о мечтах и думах эстонской молодежи рассказывается в фотоочерке наших специальных корреспондентов

Ровесники республики

См. стр. 14.

В разделе
«ПУБЛИКАЦИЯ «СМЕНЫ»

на стр. 18
вы найдете сегодня

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЛАКАТЫ

ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

ИНТЕРЕСНУЮ ИСТОРИЮ,
РАССКАЗАННУЮ
ТАТЬЯНОЙ С. МЫ ПЕЧАТАЕМ НА СТР. 28 ПОД
ЗАГОЛОВКОМ

«АЛЫЕ ПАРУСА»

В ЧЕМ ОНО, СЧАСТЬЕ?

ВОТ ЧТО ОТВЕТИЛИ ТОЛБУХИНСКИМ КОМСОМОЛЬЦАМ

ЛЕОННД ЛЕОНОВ,
писатель, лауреат Ленинской премии:

НЕТЕРЯТЬ НИ МИНУТЫ ЗРЯ

Я полагаю, высшее счастье для каждого в том состоит, чтобы оказать Отчизне, в том самым и человечеству, такое благодарение, сделать людям такой подарок посредством какого-нибудь личного достижения, чтобы это еще более выяснило нас на вершине знания, материального богатства и моральной чистоты.

Для этого надо действовать немедленно, идти к цели напролом, неизв哑 на трудности, не терять ни минуты зря, потому что пропавшая часть жизни не возвращается.

Р. Я. МАЛИНОВСКИЙ,
Маршал Советского Союза
министр обороны СССР:

РАДОСТЬ В СОЗИДАНИИ

Дорогие ребята, получил ваше письмо. Спасибо вам за теплые пожелания, которые вы высказали в мой адрес.

Очень хорошо, что вы ставите на обсуждение комсомольского собрания вопрос о счастье. Молодежи важно четко разобраться в этом, потому что на ее плечах ложится ответственнейшая задача строительства прекрасного коммунистического общества.

Думается, что в основе нашего разговора должен быть положен труд. Только созидательный труд способен принести человеку настоящее удовлетворение.

В самом деле, что может быть приятнее, чем видеть плоды своих усилий, чем знать, что и ты приносишь пользу народу!

Г. А. БЕЛОВ,
народный артист СССР:

ВАМ ОТВЕЧАЮТ МОИ ГЕРОИ

Я живу уже 64 года. Из них 45 лет отданы театру, работе актера. Много создал я спектакльных образов, многие из них могут ответить за меня.

Иван Владимирович Мачурин всю свою большую жизнь посвятил преобразованию природы. Когда наша Советская страна отмечала его 80-летие, он сказал:

Сбываются мечты народа, сбываются мои мечты! Вижу будущее Родины моей в цвету и говорю: я счастлив. Вперед, современники! Пусть превратится в сад советская наша земля! Пусть украсит она человечество!

А великолепный образ полковника Воронова в пьесе Петра Павленко «Счастье»?

— Двадцать лет я в партии и чувствую, не сознанием, а племлом, телом своим, дыханием своим чувствую, что я — народ, в народе, с народом, что я его голос. Ах, как мне повезло! Какое это счастье!

Сейчас в нашем театре идет спектакль «Иркутская история». Герой в этой пьесе говорит:

в спор на исторические темы, у Бориса было очень грустное лицо. Мы будто не замечали этого, спорили еще громче и даже звали его рассудить нас...

Наступила осень. Как-то он подошел ко мне совсем расстроенный.

— Знаешь, Геннадий, пожалуй, мне не место в бригаде коммунистического труда.

— Чем дело брак допустил? Аварию сделал?

— Нет... По работе все в порядке. А вот учеба... Отстаю я от вас, ми лучше уйти.

— Почему не хочешь учиться? Говори прямо.

— Совсем не знаю, за одну парту с семидесятилетними мальчишками садиться.

Что делать? Решили обсудить сообща. И ребята задали ему такого перца, что он не знал, куда глаза девать. Особенно страдала его Катя. Закончила она, словно приговорила:

— Как же женщина, я поступила бы на твоем месте только так...

Через два дня Борис, после работы отправился в нашу вечернюю школу. В этом году он поступил в машиностроительный техникум.

— Но мы не только учимся. Нам приходится наладить. Каждый вечер спасение после смены члены бригады Володя Тимофеев, первоклассник, между прочим, томка. Идет, чертыхается и промахивается и мастерству:

— Что же это у нас со студентами делается? Инструмент ломают, детали портят, хнычат — не получается...

— А ты что, в нянки напрашивашась?

МЫ ШАГАЕМ В ЗАВТРА

«А что делать дальше? Ведь показатели в работе — это еще не все!..»

Эти слова я слышал от людей, жаждо ищущих пути в будущее, пути самые верные, самые близкие сердцу.

С Геннадием Денисовым, токарем Ленинградского металлического завода, мы встретились не случайно, и разговор наш затянулся не из избытка времени, а от пространства. Уже говорил о том, что он несет: так или не так!..

Вспомнила рассказанный Геннадием, я хочу передать все его словами. Может быть, я буду не совсем точен в некоторых деталях, но я никогда не забуду «душу» его рассказа, а это самое главное.

Ю. ЦЕННИН

В бригаде у нас четверо ребят и одна девушка, Катя Жукова. Ей мы всегда даваем первое слово при обсуждении каких-либо трудных вопросов: «Ну, а как ты, Катя, думаешь?..» Обычно она говорит категорически: «Конечно, женщина, я поступала бы только так!..» И мы поступаем так, как поступали бы эта женщина. Потому что Катя — очень умный и принципиальный человек. Уж если кто скажет, неправильно сделает...

Она токарь четвертого разряда, но мечетает сталь никелевом. И станет. Вот домаштатство.

Уже кончился учебный год, когда Катя (она училась в 8-м классе) тяжело увлеклась. Врачи сказали, что болезнь не позволяет ей заниматься, что придется некоторое время ложиться, так сказать, без всякой умственной нагрузки. Но Катя имела на этот счет свое мнение. «Зачем же я буду жить без умственной нагрузки! Так живут только лошади!», — говорила она, обиженно покосив глазами.

Катя уговарила нас, и между коробками пены и конфет мы принесли ей в палату учебники. Она занималась и читала поэтическую литературу.

Всобщая болезненная она у нас. Впрочем, как и остальные ребята. Они тоже учятся. Не учился вначале только один Боря Казин.

— Стар я, — говорил он, — мне ведь уже тридцать два!

А когда во время перерыва мы принимались обсуждать законы Паскаля и выводить сообща бином Ньютона, когда пускались

ЧЕМ ЧЕЛОВЕКА?

— Дела человека всегда должны быть хотя бы чуточку лучше его самого. Когда делаешь полезное, нужное людям дело, и сам становишься лучше. И какое большое в этом счастье!

Эти мысли и сокровенные думы моих героев я глубоко разделяю. В труде, полезном, нужном людям, всегда можно найти большое счастье!

П. Н. КОВРОВА,
дама Герой Социалистического Труда:

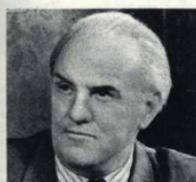
«СЕКРЕТ» ПРОСИ

С большой радостью отвечаю вам, дорогие ребята. Только ведь я, пожалуй, никаких секретов не открою, если скажу, что счастье — в любимом труде.

Труд облагораживает человека. Отличитесь, посмотрите по пристальному покру — и вы соглашитесь со мной.

Вот потому я и желаю вам прежде всего успехов в учебе, успешных трудов на благо нашей дорогой Родины.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ,
писатель, председатель Советского комитета защиты мира:

Я ВИДЕЛ, КАК ПРЕОБРАЗИЛСЯ МИР

«В чем заключается счастье человека?» — спрашиваю вас, ребята. Этого, конечно, одним словом не объяснишь. Наше общее счастье в том, что мы живем в Советской стране,

дат Токарная работа — творческая. Каждое занятие нужно решать по-новому. Это первое. По тем же принципу есть книжки, можем перекомпоновать. Это второе. А в третьих... Третье я адресовал к студентам в пиджаках. Занозистый такой парень! — В третьих, в нашей работе надо иметь не только острий язык, но и острый ум, что не всегда почему-то совпадает. Чаще как раз наоборот.

Пошутили, поблагурили, и Володя снова взялся за дело. Три часа мы задавали студентам «швардады» и «ребусы» и разгадывали их вместе ту же, на стакан. Мы показали им, что рабочему на современном заводе надо быть грамотным, находчивым, изобретательным. Мало просто знать. Надо выстроить в себе своих знаний. Когда каждый рабочий достигнет этого, говорили мы тогда в производстве наступит эпоха коммунизма...

— Весь вы из бригады коммунистического труда!

Мы переглянулись с Володей. Куда там! Нет, мы только на то учимся, но наши знания имеют двойную цену, потому что они тут же обогащаются работой. Да, мы только на практике путь к этой самой эпохе...

С тех пор студенческий семинар стал действовать постоянно. Тимофеева на участке прозвали «профессором», шутники подарили ей в день рождения очки в золотой оправе.

Нередко, заставляя меня за грязным сопроматом, ребята спрашивали: «Ну как, очень труд-

живем в прекрасное время бурь и революций, в том, что мы с вами, надеюсь, доживем до крушения всей системы капитализма.

Но есть счастье, о котором русский народ мудро говорит: «Счастье в нас, а не вокруг да около». Если человек не чувствует себя сам счастливым, никто ему не докажет, что он счастлив.

Старик Бакшеев, советский художник, когда ему уже исполнилось 90 лет, сказал о себе: «По многим причинам я считаю себя счастливым человеком. Жизнь ставила меня с такими людьми, с такими художниками, творческими горением которых, их искусством, посвященным народу, я восхищался. Я участвовал в великом товариществе передвижников, члены которого поборались за реалистическое искусство. Мне, одному из немногих передвижников, довелось работать в советское время, когда не стоит никаких преград между художником и народом».

Иной сказал бы: счастье человека — в чувстве исполненного долга по отношению к своим землякам, к Родине, к человечеству.

Наши бойцы были несомненно счастливы, когда дошли до Берлина. Они видели свою цель в извержении фашизма, на несущего тяжкие раны Родине. В эту минуту победы они были счастливы, что кончились войны, что победило правое дело. Иначе говоря, человек может быть счастлив, если он посвятил себя служению великому идею.

На вопрос о любви Лев Толстой хорошо сказал: сколько людей — столько сортов любви на свете. То же можно сказать о счастье: сколько людей — столько и сортов счастья на свете. Один скажет, что он имеет много детей, умных, здоровых, другой — что нашел свое призвание; третий хотел увидеть мир и увидел многие милые люди; пятый прожил честно трудовую жизнь, помогая своим согражданам; шестой, будучи простым моряком в юности, стал адмиралом, известным, славным, боевым, и, конечно, счастлив тем, что выбранный им путь привел на вершину его профессии.

Вероятно, для Колумбуса счастливейшим днем его жизни был тот, когда он открыл Америку. Я же — скажу вам откровенно — счастлив потому, что видел своими глазами, как изменился мир, как стал он светлее, чище, лучше, чем тот отвратительный мир угнетения, о котором вы по молодости лет не имеете понятия.

Желаю вам счастья самого большого и самого доброго, мои юные друзья!

но? Я отвечаю: не учился — и свободного времени не было, теперь учусь — и времени есть. Теперь я ценою то, что раньше не занимал, понял, что бессовестно транжирил множество часов, сложенных из свободных получасов, десяти- и пятиминуток.

Я как бы спросил свою жизнью, сделан ее позже, увесистой. Мне надо торопиться. Ведь за плечами уже 28, работал я из них 13 лет, а кажется, что я еще не сделал в жизни почти ничего. Хочется большего. Надо очень много знать и многое уметь. Уже сегодня быть похожим на человека «защищенного для — такую цель яставил перед собой я и моя товарищи по бригаде».

Какими будет этот человек, мы точно не знаем. Он должен быть честным и принципиальным — и мы не спускаем ни себя, ни друзей, ни начальству. Он должен быть чутким к людям — и мы помогаем всем, кому можем...

Однажды я слышал, как лектор назвал любителей будущего общества «многогранными». Звучное слово! За него видится что-то очень красивое и сильное. Ну, что ж, цель есть, и постепенно мы ее добьемся. Пора уже нам нарезать эти грани, понимаю шлифовать их — ведь с человеком это проделать куда труднее, чем с металлом.

Воспитывая в себе коммунистические черты, мы убедились, что это не только необходимо для каждого, но и захватывающе интересно. Живешь в мире непрерывных открытий. Это

Мастер в сердцах произнес несколько слов, от которых в нашей бригаде давним-давно отвалились... Надеюсь они мне до греха! Задумись хоть ты с ними, Тимофеев.

Собрав Владимир вокруг себя делят студентов, взяли чертежи заготовку, стала за станок и, обясняясь на ходу своих действий, обработала деревянную втульку, как он волновался. Голос драматическим стал, движения — замедленными... Но все же сработал на минуту скорее нормы.

Посыпались вопросы. В практике Тимофеев спокоен, а в теории хромает: образования мало.

— Скажите, а почему при такой большой подаче у вас резец не раскрошился?

Задумался Владимир. Вот где бы ему пригодился супрапон! Он только почесал затылок.

— Чувствую метал, как его резец берет...

— А если я нечувствую, так мне, значит, и работать нельзя! — допытывался розовощий юноша в модном коротком пиджаке, хань стараясь посадить в голову учителя.

— Марку стали знать долины, и опять же, какими речами...

— конкретно: какие примеси содержат эта марка! Как они влияют на разрезан? Вы это знаете?

Молодой человек говорил небрежно, давая понять, что он плевать хотел на всю эту практику. Урок превращался в экзамен учителю. Я двинулся к Владимиру на помощь.

— Рецептов на все случаи, товарищи, не буд-

В ЧЕМ ОНО, СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА?

ВАЛЕНТИНА ГАГАНОВА,
Герой Социалистического Труда:

ЛЮБИТЕ ТРУД

Я никогда не думала, что мой поступок найдет такую широкую поддержку советских людей. Сейчас я получаю много писем — десятками каждый день. И как же радостно сознавать, что совсем незнакомые мне люди живут со мной одинаковыми мыслями!

И это счастье принесли мне мой труд, моя работа и золотые руки моих подруг. Работать в большом дружном коллективе вместе учиться и отмечать — это большое счастье. Никогда не оставляйте в беде товарищей, любите труд!

МАРИЯ КОРХ,
депутат Верховного Совета УССР:

ЖИВИТЕ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Вспоминаются мне мои школьные годы. Окончила я семь классов и остановила учебу: нас у матери было семеро, отец погиб на фронте. Пришлось работать в колхозе и помогать матери по хозяйству. А спустя некоторое время я поступила на Киевскую фабрику имени Р. Люксембург.

С тех пор утекло воды немало. На фабрике я вступила в ряды Коммунистической партии, окончила техникум,

Училась на 3-м курсе, я стала работать бригадиром на конвейере. А когда страну облетела весть о замечательном почине Валентины Гагановой, не осталась в стороне — перешла на стажировку бригадиром.

В первый месяц мы выполнили план на 102 процента, на праизводство Октябрь — на 110 процентов. В новом году — уже на 112,5 процента. Хорошая и дружная стальная моя бригада. В нее придаст четыре девушки, большинство из которых мои бригады.

На мою долю выпало большое счастье — меня избрали членом путевого Верховного Совета Украинской республики. Я беспринципна рада, что принесу пользу людям, и жизни мою — в учебе, в работе, в дружбе — не променяю ни на какую другую.

АЛЕКСЕЙ МАРЕСЬЕВ
Герой Советского Союза:

НАХОДИТЕ ГЕРОИЧЕСКОЕ В БУДНИЧНОМ!

Главное в деятельности Комитета ветеранов войны, где я работало ответственным секретарем, — борьба за мир. С этой целью мы организуем встречи участников Великой Отечественной войны, приглашаем участия в международных встречах антифашистов, бывших узников концентрационных лагерей. Мне часто приходится выезжать в разные места Советского Союза и за границу. И во всем этом я нахожу большое удовольствие.

А вам, ребята, я хочу пожелать одного: мечтайте о геройских делах, учитесь находить эти дела в вашей повседневной жизни. Нет ни одного участка в работе, ни одного уголка на нашей необъятной стране, где бы невозможно было проявить свои силы и способности и где бы не трудилась наша прекрасная молодежь!

* * *

ВСЮХОИ ГАДОЯНИЯ

Много мыслей, раздумий родили эти ответы.

Труд — превыше всего! Только он способен принести человеку настоящее удовлетворение. Вот главный вывод, который сделали для себя толбухинские комсомольцы.

И, наверное, среди участников диспута не было такого человека, который бы серьезно не задумался о своем месте в жизни, о том, какова его роль в строительстве нового мира.

И несомненно, что разговор этот поможет молодым людям стать подлинными борцами за «счастье — мужественными, отважными, стойкими».

как у ребенка: еще вчера он считал свой двор и свою улицу центром всего света, сегодня он скрывает для себя город, когда он узнает, что «центр» — это целый земной шар. Так и мы в будущем нашей учебы и работы открываем для себя новые материи и цепь оканы неизведанного.

Говорят, работать — это только отдавать. «А когда же братить?» — спрашивают некоторые. Ведь до сих пор принять узнавать о благополучии человека: «Что ты получаешь от жизни?»

Беден тот, кто так разрывается жизнь на две части. «Отдавать и получать» для нашей бригады давно стало нераздельным понятием. Мы не раз испытывали радость труда «с полной отдачей». Эта радость, наверное, называется чувством собственного достоинства.

Попробуйте пригласить Володю Тимофеева на веселую вечеринку, когда он занят творческой участкой или со своей студенческой группой! Позовите Бориса Бубнова, когда он идет на занятия, в интересную компанию, где будут сидеть новые девушки (в он парень холостой и увлекающийся)! Предложите Кате Жуковой быть на ее веселой «празднике» для, когда она выполняет задание комиссии по культуре. «Бороды». «Искусенные» огромят, и, показали, раздробят каждого из них. Но ни один не покинет в ущерб своему долгу. Есть написанное правило у ребят нашей бригады: «Делай так, чтобы всегда чиста была совесть перед товарищами и перед самим собой».

Наверстарайтесь каждый из них почувствует себя победителем. Разве это не лучшая радость? Разве это не высшая свобода — не быть рабом своих мелких желаний и настроений?

Вот почему мы говорим, что «давать и получать» для нас нераздельные понятия. Наша честь нам дороже всех материальных вознаграждений, которые, кстати, достаточно велики.

Не корысть, не показанная героизм, а внутренняя потребность «делать правильно и хорошо», стремление стать к лучшей жизни ради всех, а значит, ради самых себя — вот черты, которые мы хотим воспитывать в себе.

Замечательные у меня друзья! В этом году они пришли на мой большой праздник: жена родила мне сразу двух сыновей! Боря Бубнов, бывший мой ученик, а теперь слесарь пятого разряда, принес гитару. Обычно мы ходим «болеть» за него, когда он выступает в художественной самодеятельности или играет в футбол за заводскую сборную. В этот раз он выступил только для нас. Он сочинил для младенцев «Персональную колыбельную». По-моему, понравилась им больше всего Катя. У нее даже затуманились глаза, и она несколько раз заставила повторить песню.

Пользовалась успехом и еще одна «персональная» вещь — двухместная коляска с подкладками. Сверху ребята украли выточенные на стакане символические фигуры двух близнецсов.

— Пусть с детства люблются токарной работой, — сказал Борис Казин. — Подрастут

сами токарями станут! — Он любил похвастаться тонкостью своих наделений. Сложнейшие профили самых ответственных деталей обычно доверяют вытачивать ему.

— Успокойся, — сказал Боря Бубнов. — Пока он вырастет, профессия токара не будет и в помине. При коммунизме все будут делать машины.

— Чепуха! Ни одна машина не может заменить искусные человеческие руки!

— Ты не проходил машиноведения. В техникуме нам рассказывают о заводах-автомобилизмах будущего, где человек останется только давать задание машинам...

— Прав! Бубнов! Машина может заменить руки, но голову — нет. Катя, а ты как думаешь?

Катя сидит рядом с моей женой. Сегодня она почему-то не спешит выниматься из общие споры. Она просто не сводит глаз с двух малых, лежащих в коляске. И то ли на вопрос, обращенный к ней, то ли в ответ какими-то своим мыслям, Катя задумчиво говорит:

— Как женщина, я поступила бы только так... Она не заканчивает, чему-то радостно улыбается.

Так мы и живем, словно одна большая семья.

Все мы разные, все мы многоного хотим от жизни, и это здорово. Нам интересно жить, каждый день узнавать что-то новое. И главное, знать, что мы стоим в начале большого пути, ведущего в прекрасное Завтра.

Рассказ

ВИЛИС ЛАЦИС

Kогда Ян Алуц — кандидат технических наук и руководитель конструкторского бюро на Большом заводе — отправился в туристическое путешествие вокруг Европы, его привлекала не столько поездка по морю и возможность, своими глазами увидеть множество иностранных городов и портов, сколько желание вспомнить прошлую жизнь, по которой он когда-то бродил, в дни своей молодости. В те времена Алуц избирали немало морей — сначала подзноском угла на старых торговых судах, познее кочегаром; и как ни была тяжела и сурова его тогдающая жизнь, воспоминания о ней до сих пор были ярки и незлажды, им была присуща труднообъяснимая привлекательность, как у всего, что связано с переживаниями юности.

Теперь он мог многое вспоминать, взглянуть на все сквозь призму накопленного опыта, повторно увидеть и оценить. Ведь глаза действительного юноши иначе воспринимают вещи и явления, чем глаза мужчин, чьи волосы начали уже сесть.

Необходимо было само путешествие по морю на великолепном пароходством судне; непременно в жизни Ян Алуц пускался в дальний путь свободным человеком — пассажиром. Ни от кого не приходилось заботиться, ни за что отвечать, с утра до вечера он принадлежал себе и мог расположить временем по собственному усмотрению: спать, расслаждаться, по пляже, сидеть в шезлонге и часами наблюдать за морскими птицами или смотреть на залевоносные лягушки музей и водоросли, качающиеся в волнах. Навсегда плыли чужие суда, большие и малые, еще больше было их на родине, в колесо и по ту сторону, за устрем Эльбы, где начинались дальние морские пути на север и на запад, на юг и на восток, и занести он глазами прохожих в юности этих океанских красавцев, стоят в угольной копоти и поту на раковой плаунье утюгальщика! Какие мечты они порождали в его воображении, какие картины рисовали перед его глазами: дальние страны, огромные города, острова пальм, высокие горы и манящая, полная соцветия жизни, там, за океаном! Как хотелось ему попасть туда, куда стремились толпы молодых искателей счастья! Чистое, глянцевое судно было его миром — с пышными угольными бункерами, плавающими топками и узким, тесным кубриком в носовой части парохода, настолько мизерным, что восьмер человек едва помещались в нем.

Стены кубрика не были обшиты досками, и зимой на голых железных пантах рядом с коксами кочетаров блестела изморозь. По сей день напоминал о себе Алуц ревматизм, схваченный во время его первых морских путешествий. Теперь в распоряжении Яна Алуца была своя каюта со всеми удобствами. Своим другим жизнью жили и те молодые ребята, которые работали на этом судне. Дальние страны и плавающие островами, ни прерывами, ни залыпьми горами, ни обещаниями счастья: свое счастье Ян нашел на родной стороне, непрекращающее и непоколебимое, выкованное в борьбе и труде, его он не променял бы ни на какие миражи чужих земель.

Штандарт прошал вечером; прилив поднял уровень воды и открыл мореплавателям путь в гавань Антверпена. Судно медленно двигалось вверх против течения, мимо низких берегов, встречных судов, неизносивших маков и бакенов, сверкающих зеркальными огнями. Вдали, в скотог для брачества птиц, на низком изломе дюки, светились аллюминиевые пароходы, и словно приветствуя пассажиров, звали, сирены, тревожа дам, и женский голос из громкоговорителя выражал свою тоску по мужчине, которого звали Джонни. В этой почтной картине Алуц рассмотрел лишь отдельные знакомые детали: людную эстакаду на берегу, высокую башню с освещенным циферблатором часов и рекламный плакат у дверей какой-то пивной, призывающий утолять жажду пивом «Стеде Артуга».

Невзирая на поздний час, толпа людей на эстакаде долго не расходилась. Довольно неспешный гул и скрип звукался словно на разных концах света. Алуц подозревал, что в толпе кто-то спросил по-латышски: «А латышей среди нас нет?» Перепутавшись через перила борта, он крикнул: «Есть, есть!» Но никто ему не ответил. Вскоре он ушел спать, а споружи еще долго звучали громкие голоса, не давая уснуть.

С утра туристы разделялись на многочисленные группы, сели в автобусы и начали знакомство с Бельгией, которую большинство из них видело впервые. Части поехали в Брюссель, иные — в Гент и Брюгге, остальные отправились осматривать достопримечательности Антверпена: улицы, соборы, музеи, картины大师, которых было здесь бес числа, этого месяца было много, и все они засматривались со всем. Алуц присоединился к последней группе и видел с несколькими земляками весь день проводил на улицах старого фландрского города. Проспал, роскошь средневековых изразцов на них на каждом шагу. Старинные здания

хранили скровища искусства — бессмертные полотна и статуи, цену которых вряд ли можно измерить в деньгах. Традиций лет тому назад Алуц не знал, поэтому это не видал; другие великие приземистые торса виновные молодого мастера. Но и теперь он не мог оставаться равнодушным к тому, что когда-то сласло его и калоилось прекраснейшим в мире. Во второй половине дня Алуц отказался от товарищей и долго блуждал доков, в которых стояли суда почти всех стран мира, блуждал по уличкам портовой окраины и с удивлением замечал, что здесь почти ничего не изменилось. Так же, как раньше, в окнах тяжелых лавочников были выставлены банки красок, трости и тапки, у иной пивной или кафешантанной склонялась даже старое название, и погнутые двери в порту, которых Алуц встречал на улицах — докеры и моряки — были такими же сплошь блузами, как и раньше. Иноват казалось, стоит зайти в фруктовую лавку или к тортовому подержанному одежду, как старый знакомый из-за привязки обратится к тебе с приветствием:

— Холоду, старина, опять в наших краях? Что же тебе предложат?

Но Алуц не зевнувши ни в одну из этих лавок.

Так же, как и раньше, с красными потными лицами слонялись по улицам захмелевшие матросы и кочегары; ярко раскрашенные женщины хриплыми голосами из угла за звали прохожих на чайку моряка, и совсем как раньше, по-латышски, на улицах плясали бичники, потешные бродяги, надевшие на головы свои остатки от обеда. Жизнь здесь словно остановилась на месте. Может быть, и появилось что-нибудь новое, но так мало, что оно не бросалось в глаза среди многочисленных остатков былого.

Долгие блуждания утомили Алуца, и он вернулся в порт. В доке, где стояло советское судно, он увидел пожилого человека, сидевшего на связях и не спускавшего глаз с красавицей лайвера. Якоря, вытянутые на палубе, пестрые шевили плавниками, собираясь на затылок, спасали от солнца, что их вадделил солнце в тех старых моряков, которые, будто остаток своих дней проводят на берегу, кормясь случайной подменной работой и доброхотными подлоджами. Из-под кепки выбывали космы седых волос, вялые щеки побурели на солнце, а глаза старика, голубые и ясные, с тоской смотрели на белоснежное судно.

Заметив, что Алуц следит за ним, старый моряк забеспокоился, поднялся со свай и со-

брался было уходить, но когда Алуп вынула из кармана коробку сигарет, просительная улыбка появилась на лице старика, и он лукаво подмигнул.

Алуп подошла к нему, дружелюбно улыбнулась и спросила: «Почему?»

— Как дела, старик? Закурю?

— О'кей, господин, не будешь бы пустил языком,— отозвался старик, дрожащими пальцами вынула из пачки сигарету, чиркнула зажигалкой и усаживаясь поднес Алупу огонек.— Вы с того лайнеров? — спросила он, кивнув в сторону советского судна. Говорила он по-английски свободно, но с сильным акцентом и употребляя жаргонные выражения.

— Да, с того... — ответил Алуп.— Приехал вот посмотреть, как видались живите.

— Живем, как кто умеет, — проворчал старый моряк. Он жадно затягивался сигаретой и не смотрел на своего собеседника.— Уже не то, что было раньше, когда была сила в племенах. И времена другие: иные люди, иной по-рядок.

— И давно вы не ходили в море? — спро-шила Алуп.

— Вот уже скоро шесть лет, как я покидал последний расчет, принес в моим морским странствиям. Э, да что там!... Старик вздохнул и покачал головой, словно оттого наполовину мути.— Пожалуйста, этого пора бросить якорь. Плохо только, что человек не может погреть вовремя, и еще хуже, когда он, навязав всему, по-прежнему хочет жить.

Во рту у старика осталось мало зубов, говорил он шепелявно, и многие слова приходилось угадывать. Видя, что Алуп не уходит, моряк подвинулся и кивком головы показал на конец связи.

— Садитесь, места обиом хватят.

Алуп присел рядом с незнакомцем. Как многих старых людей, которые живут больше воспоминаний, чем нынешним днем, старого морского волка не приходилось тянуть за язык. За плечами Алуп узкая почти всю историю его жизни. Ничего особенного в ней не было; такие же, склонные даже в мелочах истории можно было слышать сотни и тысячи старых людей, когда-то бороздивших моря в качестве проводников остается днем своих в безнадежных блужданиях по прибрежным гаваням. Если бы какой-нибудь предпринимчивый исследователь или авторитет собрал вместе все эти рассказы, он убедился бы, что вариантов не много и почти у всех одинаково начало и конец: после этого ему не составило бы труда написать современный эпос о Старом море; — нечто вроде истории Тиаг Уленингела.

— Из дома ушел я рано, подростком, — рассказывал старик.— Манил чужие дали, хотели посмотреть мир и, может быть, где-то найти счастье, которого так и не мог я до-ждаться дома. И, конечно, ничего не вышло. Пришлось работать в поте лица, чтобы зарабатывать себе кусок хлеба. Но я это не жаловался, сил у меня тогда хватало. Ходил я в море, мэтросом, в кочевниках, несколько лет даже плавал на морских волнах, подплывая к образовавшимся неизвестно. На каких-то судах не плавал — из маленьких и больших, на грузовых кораблях и горных лайнерах, на угольщиках и танкерях! Однажды в Австралию проехал, даже на паруснике; в последние годы в море их не видно, разве что учебные. За сорок лет общался я весь мир, был во всех частях света, плавал на всем континенте. Бессел плавал в множестве портов, полицейские и жандармы всех стран и по ту и по эту сторону экватора учили меня, и, надо сказать, тумаки эти на юге стояли же болезненнее, как и на севере; а если ты без работы, тебе нечего жрати, то голод не тетка в любом уголке земли. Бывали времена, когда кошелек был полон денег, и я мог выставлять для бедняг-бичекеров неплохую обед с кружкой пива, но передко наставляли плохие времена, когда самому было впору класть зубы на полку; оставалось шататься по берегу и прислушиваться, как ворчит пустой желудок. Синаки и я, эти моряки, были в одинаковом положении, бывало, пару месяцев у своих... жили они несласко, впроголодь, и никаких вилов на лучше времена. Что же, я опять уезжаю. Синака то и дело посыпал пылью, получув весточки из дома, но разве там писем от меня ждали? Денег — вот чего, а их-то у меня никогда не было так много, чтобы еще

посыпать родственникам. Понемножку порвались все связи с домом, никто больше не писал мне, и я не писал никому. Тогда я думал так: нет смысла рассказывать о каждом своем ша-баше, смысла любознательным и расточать обещания, лучше помолчать, на время совсем исчезнуть, и чито-нибудь добиться в жизни: найти свою счастье, накопить побольше денег и поз-каться в другой стране с полным кошельком, бросаясь подальше, направо и налево. Большой американский адмирал приехал! Он нашел в мире то, что искал, недаром он по-жертвовал цветущими годами. Так, я и должна сделать, да ведь это мечта всех тех, кто ищет счастья в чужом kraю. Чаша всего из этого ничего не выходит. Разве что из тысячи одному удаётся чего-то достичь, и тогда, точно солнечное сияние, его окружает благоговение и обожание родственников. Остальным же приходится глотнувшись всю свою жизнь и ходить по земле, опустив нос. Я была одним из тех остальных, я ничего не добилась. Когда наступила знаменитый кризис тридцатых годов, мне стало ясно, что надеяться больше не на что. Я поняла, что останусь одна из двух: или ехать домой и, не споря с судьбой, покорно принять подачки жизни, или же зачеркнуть прошлое, навсегда застриг на чужбине, чтобы больше не-мало-помало забыли тебя. Я выбрала путь счастья, это было не просто, я не знала, как это будет смотреть в глаза людям, кто пытался и обманывал. Давайте, пожалуй, ничего рассказать. Больные двадцати лет мотались я по свету, пока зуны не вышли и боль в kostях не согнула спину так, что выпрямить ее уже больше нельзя. Кому нужна такая старая рукаладь? Падавать в толку утоль ты уже не можешь, дробить шаша тебе больше не по смаку, забытый старый матросский мешок и айда... Вот так сказали мне шесть лет тому назад, и говорят до сих пор многим таким же, как я. Таково уж судьба старого человека, и об этом не стоит скучать. Разве я не прав, господин?

Старый моряк посмотрел на Алупу в глаза и мрачно усмехнулся. Алуп еще раз угостила его сигаретой и сказала:

— Не называйте меня господином. Я живу в стране, где нет господ, и такое обращение у нас считается оскорбительным.

— Я запомнило это..., господин. Вы уж про-спите меня, что я так. Всю жизнь я привык кланяться, избавиться от этой привычки не-легко.

— А как вы жили после того, как ушли с последнего судна? — спросила Алуп.

— Шатался по берегу, как все бичекеры. Ходил с судна на судно, иногда удавалось оказать какую-нибудь услугу: погладить молодым парням брюки, вычистить ботинки, сбрасывать на берег за попрошаски и вином, вымыть посуду. Гладильщики — то тарелка суну перенадет, то понищенная рубаха.

— И все это время вы перебивались в Альтиренсе?

— Только последние три года. До этого окончавшись в голландских и французских портах. Ни где не лучше. Здесь чаще можно встретить знакомого, а это кое-что значит.

— А дальше что?

— Я старалась, как можно меньше думать об этом. Ничего приятного нет в этих мыслях. Ну скажите сами, господин... тыфу, пропасть, опять вырывалось... скажите сами: какие воз-душные замки остаются строить человеку, у которого только и есть, что головы, слабеющие руки? Он слишком стар, чтобы идти в море. На берегу он тоже никому не нужен. Его уда-ла — нищета, праждность, мелкие уважения и безнадежность. Принималась, как должное. Как я могу сказать, что будет дальше? Может быть, богадельня, а может, тюрьма. В один прекрасный день увезут меня на международное морское кладбище и зароят рядом с та-кими же бедоголями. Только не подумайте, что за могила моей жены кто-нибудь будет ухаживать и что вообще надолго сохранят. Через неделю она будет зарывана, а сперху зароят еще одного горемыку, засыпят на них такой порох... И разве ты разрешаешь им уж прости-ть? Но пройдет совсем, чтобы и сладко умереть. Тем, кому хоронят в морской пучине с куском железа, привычным к ногам, тоже не ставят памятных досок и крестов. За-чем же делают исключение для меня?

Пока старый моряк говорил, Алуп то и дело внимательно поглядывала на него. Ему казалось, что этого человека он где-то уже видел. Удивительно, сколько казался он профилем с высоким лбом и темными глазами, плачущая фигура и румяное колено в прозрачной руке. Выражение лица, движения рук, голос — все казалось зна-мением, виденным и смытым; может быть, недоставало лишь искодного пункта, мечты,

Рисунки В. Освера.

намека на какое-нибудь событие или обстоятельство, чтобы все стало ясно.

— Откуда вы? — спросил Алуц, когда моряк замолчал.

На лице старика мелькнула усмешка, немвого ироническая и печальная.

— Оттуда же, откуда и вы! — ответил он по-латышски. — Из Латвии. Я рижанин, родился и вырос в Задвире.

— Как вы узнали, что я латыши? — изумленно воскликнул Алуц.

— Сегодня утром, когда пассажиры вашего судна отправлялись на экскурсию в Брюссель и Гент, я был здесь. Саша, как вы с двумя мужчинами говорили по-латышски. Поэтому и заговорил с вами: хочется раз в кои-то веки поболтать с земляком, не часто выпадает такая удача.

— Как же вас зовут, если не секрет?

— Что за секрет... — усмехнулся старик. — Я никаких прелестей не совершил, и от суда бегать мне не приходится. Мое имя Медис. Альфред Медис из Задвире, аркадский мальчишка¹.

Аркадий Медис? — Алуц привеска и минуту всматривалась испытующе в своего собеседника. Исходная точка была найдена, теперь он знал, где и когда видел этого человека и почему он кажется знакомым. — Арнис... чегатар с «Алуксне»?

Старик вздрогнул и как-то боевально взгляну на собеседника.

— Когда-то я ходил на таком судне, — сказал он, смешавшись. — Но откуда это вам известно? И кто вам рассказал, что ребята называли меня Арнисом?

— Это ты, старина, сейчас узнаешь, — сказал Алуц, хлопая Медиса по плечу. — Но только здесь нам необходимо продолжать разговор. Скоро вернусь наши экскурсанты из Брюсселя и Гента, и мы не сможем спокойно поболтать. Но знаю, как ты, а я проголосовал. Ради такой встречи не мешало бы выпить кружку пива и поговорить поболтать, а? Как ты думаешь, Арнис?

Было бы неплохо, что правда, то правда, — проворчал Медис, недоверчиво косясь на Алуца. — Но я все-таки хотел бы знать, с кем имело дело.

— Пойдем, Арнис, за столом все узнаешь, — торопила его Алуц. — Показывай, куда ити, ты знаешь лучше меня, куда здесь можно за скочить.

— Надеюсь, не в очень роскошное место? Сами видите: одет я не так уж широкарно.

— Место выберешь сам.

— Ну ладно, идти так идти.

Несколько минут спустя они сидели в простом портвейном кабаке. Алуц заказал обед себе и Медису, велел принести по кружке пива и по рюмке коньяка, и, как только стаканы моряк заморил червячка, разговор возобновился.

— Ты помнишь «Алуксне», Арнис, — плавучий гроб грузоподъемностью в пять тысяч тонн, который рижские судовладельцы как старое бархило купили у англичан? Черная ржавая, совсем запущенная коробка... Когда выходили в море, на большой волне все швы начинали так громко скрипеть, что пугавший начинил чистить молитву. Всю утлы полны крыс, по ночам они залезали на койки и не давали уснуть. Ты приделал к бочке заклоняющуюся крышку и за один день понимал болевые спорты этих змеев...

— Это был первый улов, — заметил Медис, на минуту отрываясь от еды. — За неделю мыбросили в море больше сотни крыс.

— Ты за это получала от капитана премию. Старый Эрхард выдал тебе целую бутылку джина, но ты подарила с товарищами, и тебе досталась всего только хороший глоток.

— Джин-то было не акти какой, — проворчал Медис. — В море, на безбарье, можно было, конечно, пить и так.

— В манчестерском канале «Алуксне» грузил уголь в бункера, — продолжал Алуц. — Помнишь, Арнис, что за проклятый был уголь? Кочегарам каждую смену приходилось пропичать все шесть топок, трюмерами — выбрасывать на палубу и слышать в море горячую. Аджская работенкой! Ребята с оном за другим, но ты была лучше, кочегаром на «Алуксне» и однажды моя удрученный пар, Рейн из Кардиффа. Бордо ты тоже, наверно, не забыла. Две недели в Бискайе, забыбившись между штурвалом судном, как кошка мышью. В Рио-де-Жанейро ссыпалась погибель. Самые сильные не выдерживали чрезмерного напряжения, проклянлив капитана и первого механика, начинили все делать кое-как. Только ты держалась, как зверь, и спрашивала со своими обязанностями. За это капитан снова послал тебе бутылку джина.

— А я отослали ему ее обратно и сказала, чтоб он сам с подависил.

— Помни, Арнис. И на этом судне были одни подиоски угля, девятнадцатилетний мальчишка. Для него это был первый морской рейс. В Бискайе, в этом кипящем аду, он обессилел

¹ Аркадия — парк в Задвире. (Прим. перев.)

и совсем бы свалился с ног, не найдись человек с большим, человечным сердцем. Видя, как мучится трюмер, он присел ему на помощь. Он сам поддерживал огнь в топках, сам лез в бункера, нагребал себе уголь, а потом брался за ручную лебедку и помогал малярчики выгружать шлак на палубу. И только поэтому малярчика выдержал, на удивление своим товарищам, которые не знали, что ты ему помогал. Этот трюмер был я — Ян Аул, или Янка, как меня звали на «Алуксне».

— Вы? — Меднис перестала работать вилкой и ножом я, словно на верстах собственных глазам! Короче, я вас сюда не узваю!

И я тебя узнал только после того, как ты называл свое имя. Об одном тебе прошу: брось выпить, зови меня по-старому Янкой и говори мне это.

— Не так-то просто, — сказал Меднис. — Как я могу говорить «ты» такому важному господину?

Мы были друзьями в трудные дни, и это дает нам общий право. Итак, договорились!

Можно попробовать, только вот не знаю, получится ли...

Алуп чокнулся с Меднисом, они отпили по большому глотку.

— Ты был тогда видным, сильным и смелым, — продолжал Алуп, — кроме того, добродушным. Каждый мог подойти к тебе, чтобы говорить, спросить о чем-нибудь, не боясь, что ты оттолкнешь его грубой насмешкой, как это было принято у бывальных мореходов. Ко мне, самому молодому на судне, ты относишься лучше, чем к другим. Кто-то из старых моряков хотел разобрать меня, наставлять надо мной, но ты взял меня под свою защиту. Однажды кочегары, предвкушавшие забывку, позвали меня с собой в кубрик, чтобы потом повести к девкам. Ты не позволил мнейти к ним. Нужно было видеть, как ты переменился: от благодушного... Арина не осталась и села, вместо нее на кубрике стоял весь рост грозный моряк, который глядел на меня с молнией в глазах, зуны на щеках. И все повторялось. Но я не решалась покинуть. Потом, когда все соплы на берег, ты взял меня с собой, водил к жемчужному городу, угощал аланскими и завес в Балтии. До сих пор не понимаю, что заставил тебя так поступить.

— Ты был сыщиком чист и неискоренен, — сказала Меднис. — Я хотела, чтобы тебя так рано запаникали... Это все...

Помнишь, как позднее ты стал учить меня кочегаричному искусству, показывая, как бросать уголь в топку, как раскладывать шлак? Ты был хорошим и терпеливым учителем.

— А ты была хорошим учеником, — заметила Меднис.

— Через два месяца, когда один из кочегаров «Алуксне» в Антверпене под драпаком меня поставили на него место, и я почти полгода работала в одной смене с тобой. Этого ты, конечно, не забыл. Если из меня и вышел настоящий кочегар, то этим я обязан только тебе... Гарсон! — Алуп помахала официантке. — Еще две кружки пива. Съешь чего-нибудь еще, Арина!

— Не стоит, — отрицательно покачала головой Меднис, — хорошенечкою понемножку, человек скотина.

— Тогда пускай тебе запернут в бумагу что-нибудь из закусок, — не унимался Алуп. — Возьмешь с меня на ужин.

И он опять у глубины в свои воспоминания.

— Одно качество тебя отмечало, за него я сразу тебе побоялась: ты никогда не давал в глазу слабого. Когда Длинный Бук хотел убить меня, я молча смотрела на него, не смея даже фыркнуть, что там целую неделю не мог покояться на берегу. А в Геную, когда тамbastовалы рабочие... капитан пытался приводить нас самим грузить судно и стать штрефбрехами, сузия приблизку к жалованью и всякие блага. Кое-кто уже стал склоняться на посысы, был готов стать к лебедке и лесть в трюм, но ты сказала: «Нет, мы не станем этого делать, это было бы преступлением по отношению к итальянским рабочим!» И честь экипажа «Алуксне» не была защищена. Судно подняло якоря и двинулось за грузом в другой порт, где не было забастовки.

— За это я в Риге в первый же день получила расчет и оказалась на берегу, — задумчиво

произнес Меднис. — И фирмы меня больше не принимали на работу. Ты ведь знаешь, дорогое Янка, — такие вещи не забываются. Так ведь. Но хватит об этом. Скажи лучше, как ты жил все это время и что из тебя вышел?

— Жил я по-разному, Арина, — ответил Алуп. — И мой путь был не из легких, зато могу тебе в утешение сказать, что все усилия не пропали даром и кое-что я достиг. После того, как я ушла с «Алуксне», работала в порту, а зимой училась в мореходце на механическом отделении. Окончила мореходец, попала вдвоем два в мореходце на торговых судах, потом поступила в морематический факультет университета, бороздила гладь, туда удались многое, и долго не мог найти подходящую работу. Сдала плюсом инженеру в кармане мне пришлось стать к верстаку на заводе и делать такие вещи, для которых мои знания не нужны. Лишилась в 1940 году, когда в Латвии установилась Советская власть, я стала инженером на большом заводе. Вскоре после этого меня приняли в аспирантуру.

— Аспирантура? — Меднис вопросительно посмотрел на Алупу. — Что это такое — фабрика или фирма?

— Нет, Арина, аспирантура — это подготовка к научной работе, — поклонилась Алуп.

— Разреши тебе недостаточно было университета? Опять началь учится? — удивился Меднис.

— Чтобы стать ученым, университета еще недостаточно. Но из аспирантуры тогда ничего не вышло: начались войны, пришлось взять в руки винтовку. Была создана латышская стрелковая дивизия. Как колоннада она гитлеровцев под Москвой, под Старой Русской и последние в Латвии! Для раза я бы разнес, но не тяжело, и каждый раз после выдохования возвращалась в строй. Аспирантуру я окончила после войны, и когда в Латвии образовалась Академия наук, меня принял научным сотрудником. Для года тому назад я защитила канцелярскую диссертацию — есть такое испытание, которое проводят на кафедре. У меня было много работы, и мне присвоили звание, но я не захотела свою жизнь проводить в лаборатории и попросила, чтобы меня перевели на какой-нибудь завод. Теперь я руководитель большого конструкторского бюро и занималась конструированием машин. Конечно, женилась, у меня хорошая жена. Она работает врачом в городской больнице. У нас двое детей, оба учатся в школе. Вот и все, Арина.

Когда Алуп посмотрела на Меднис, в глазах старика он увидел слезы. Помолчав, Меднис вспомнила, большими пальцами стянула со щек слезы, капнула и тихо сказала:

— Ты далеко пошел, Янка. Тебе нечего стыдиться. А я...

Подавленный стон вырвался из его груди. Опустив голову на руки, он долго молчал, погрузясь в тяжелые думы. Что это были за люди — огромные, заскорузлые, с уловатыми пальцами, вдувшими венами; посмотрев на них, надобительный человек словно в открытое книгу смог бы прочесть историю труженика: каждая мозаика, каждый шрам говорил о том, что приносил пережить и перенести...

— Зря прошла жизнь... — наполнил произнес Меднис.

— Заглушила, блоншина на ветер. Если

и было в этих руках, то давно утекло,

как вода между пальмами. Остались одни воспоминания, а лучше бы их и не было совсем. Эх...

— У тебя когда-то была жена, — вставил Алуп. — Я видел ее на судне, когда мы готовились уходить в море. Она хотела проститься с тобой. Красивая, видная женщина...

— Да, была, — произнесла Меднис. — Красивая, видная. Тогда она простила со мной на всегда. Не дождалась ушла к другому. Ей хотелось счастья, а я была только искатель счастья. Бог знает, жива ли она и как живет сейчас.

— Арина, дорогой дружине, я хочу у тебя спросить, — сказала Алуп, придвигнувшись ближе к Меднису. — Хочешь — отвечай, хочешь — промолчи, если мой вопрос тебе придется не по вкусу, только помни, что с тобою говорит друг.

— Справишься.

— Почему ты не едешь домой? Что держит

тебя на чужбине, где ты никому не нужен, и что тебе мешает остаток дней провести в родной земле?

Меднис долго не отвечала. То ли нахлынуло воспоминание, то ли вышитое шитье сделала спирка чувствительным, он прерывисто задыхался, словно сдерживая рыдания, и в глазах снова появлялась предательская слеза.

— Стыд, Янка... Стыд мешает мне испытать дорогу домой. Стыд за испорченную жизнь, за то, что я ничего не достиг, никакие ценностей не создала за свою век. Когда я ушла из этого мира, после меня не останется ничего такого, что было бы связано с моим именем. Я оставила после себя одну плоскую, бесцветную, без всякой ценности пустоту. Бессмыслица и покой счастья впереди не наше. Неудачников не жалеют, им не прощают. «Погибли, с тем что вернулись домой», — спросят мои старые друзья и знакомые. Как я посмотрю им в глаза? Как собака с поджатым хвостом, буду я стоять перед ними, и мне нечего будет сказать. Они будут смеяться надо мной: ведь моя рука уже не так сильна, чтобы упнуть к себе уважение. Этосты, Янко, глупый, неумный стыд. Ничего мне не остается, как только прозбрать здесь до праха и скончать на чужбине. По крайней мере, здесь мне не перед кем отчитываться за свою жизнь.

— Ты преувеличиваешь, Арина. Чего тебе стыдиться? Ты не виновата, что жизнь твоя сложилась к твоим. Виновата те, кто похитил твою силу, виноват несправедливый строй, который взял у тебя все и взамен не дал ничего. Не тебе, а им следовало бы стыдиться. Выброси эти мысли из головы и позейди домой. Если хочешь, я занесу же поездом. Брюссель и говорю с советским консулом. Тебя заберут первым же судном, идиущим рейсом на Ригу.

— А я дома, что я буду делать? Да умрешь, на меня вообще тарабаруа сядет дом...

— На родине ты свою спорта обретешь. Мы поможем тебе найти свое место в жизни. У нас теперь все иначе, чем раньше. Никто для нас не лишний. Народ, сам хозяин в своей стране. Тот, кто работает, — самый уважаемый человек в нашей стране. Если бы ты знала, что за жизнь мы там построили!

— Я знаю. Но я не помогу, завоевывать и строить эту новую жизнь. Пока я борюсь с несправедливостью, гнали к церкви живодёров и кровопийц, я шаталась по свету и думала только о себе. Мне стыдно. Нет, нет, не говори больше об этом. Я не могу вернуться. Я должна до конца прозбрать на чужбине и отдать чужой земле свою kosti.

— Неужели тебе не хочется лежать в родной земле?

— Я не имею права лежать в ней и не заслуживаю этого. Если бы заложил прожить жизнь, тогда я бы знала, как это лучше сделать. Терпеть не можешь, времена ушли...

Алуп продолжала еще у说服ать и убеждать, пока Янка не стало ясно: этот человек не перенесет своего решения. Может быть, не только стыд, держал Меднис здесь, на чужбине — дескальсированной, опустившейся на самое дно жизненной пропасти, он в глыбах своего сознания еще сохранил искрую человеческого самодовольства и гордости. Гордость породила стыд, и его можно было погасить лишь вместе с жизнью.

...На прощание Алуп дала Меднису немного денег и оставила на память свой плащ. У ворот дока они пожали друг другу руки. Алуп возвратилась на судно; Меднис издала просьбу, как тот поднялся по трапу на палубу; потом старый моряк медленно направился через порт в другой док, к другому судну, в надежде найти то, что было не за горами.

Когда советское судно покидало антверпенскую гавань, множество людей провожало его, и на носу Алуп глазами искала в толпе Медниса. Может быть, тот спрятался за спинами других и издала всматривалась в людей с другой далекой родины, может быть, в каком-нибудь кабинете пропиленом, оставленном Алупом, а может быть, тот же великий, необузданный стыд, мешал ему появиться здесь и в последний раз посетить прощальный привет своему другу.

Перевод с латышского Р. ТРОФИМОВ.

ДОВІСНИКИ ДО СУБАНІКІ

Фотоочерк
К. Вишневецького
и М. Муразова.

СУББОТА, КИНОЗВЕЗДЫ
И МАЙОР МИЛИЦИИ

В Таллин мы прилетели в субботу. Годы совсем не выглядят «ло-субботными»: улицы были чисты и малолюдны. Слышалась лирическая песенка — спросил мы у шоферов такси. — Куда девались все таллини? Шофер удивленно посмотрел на нас.

— Куда? На гонки все, к Пирита.

Пирита! Здесь очень красиво. Широкие плавные типы рек и спокойное открытое море. Но этот живописный пригород Таллина превратил свою зелень одну из труднодоступных мини-гоготтских трасс — симметрическую кольцо-Клодетрекскую.

Мотогонки, покалуй, самый популярный вид спорта в Эстонии. Широкий маневр, веселое удовольствие, когда услышишь из приженной раки насыщущий мотоциклов звук. И это не единичное соревнование собирает толпы зрителей. Не говоря уж о таком мероприятии, как спортивный этап первенства СССР, который прошел в эту субботу. На трассе Пирита — Клоустрексте выступили спортсмены из многих стран, причем многие из них стартовали на специальных гончих мотоциклах отечественного производства...

«Приготовьтесь... Внимание. Старт!»

Ровно моторов. Нетерпеливые машины срыгаются с места. «Хорошо идет Кийза, общество «Инко»!»

Издалека поворот вылетает мотоциклист молодого таллини. Эритея поддергивает его. «Бронзовую» медаль завоевал Эндиль Кийза.

«Астрама» эстончанин Ээрик финн «бисса». Он стоит счастливый, окруженный своими товарищами по клубу, болельщиками и журналистами.

Я не знаю, что рассказать о себе. Родился в деревне. Там у нас было 10 мотоциклов. Начал ездить с лета 1960 года. Уже в 1962 году я мастер спорта. Работал шофером, потом служил в армии. Сейчас работаю в магазине... вот, видите, мотоциклиста Броусса.

Где-то за поворотом нарастает гул моторов. Завывает первый мотоцикл. «Эндиль! Эндиль!» спешит к трассе как там «свои»! Мы хотим отправиться за ними, но вспоминаем о спешной раздатке команды:

«Внимание! Мотор! Ну, конечно, это кино! Нет, не хроники, снимается художественный фильм. Режиссер Юлий Кун рассказал автору...»

— Мы создаем первый советский панорамный художественный фильм. Может быть, он будет даже первым в мире... Американцы сейчас снимают в Африке панорамные фильмы. Тогда же мы и думали, мы запоюмим раньше...

— А о чём будет ваш новый фильм?

— Во-первых, он не совсем новый. Фильм создается по мотивам народной спортивной комедии «Зорные покорители».

— А это тоже будет комедия или вы передадите ее в трагедию?

— Я не буду передавать ее сюжет, — улыбается Кун.

— Кто снимается в фильме?

— Кстати, в нашей картине участвуют многие актеры непрофессионального театра. Главная роль исполнитель Терье Луйк, которая то есть то что она была школу. Герой играет электрическую машину. Вам видите маленькую деревню в Эстонии. Где же она?

— Так это продавщица из промтоварного магазина Эви Вайно.

— Кийза загримировалась.

И он показал на блондинку в

голубом, ярко-синем костюме. Это была Эви Кийн — городской эстонской кино.

Читатели могут спросить: почему я пишу о первом национальном репортаже упомянувший «майор милиции»? Объясню: из благодарности я не могу не сказать, что мы были счастливы, когда в нашу деревню приехал майор, спасибо вам, товарищ майор, спасибо, товарищ Коловинский!

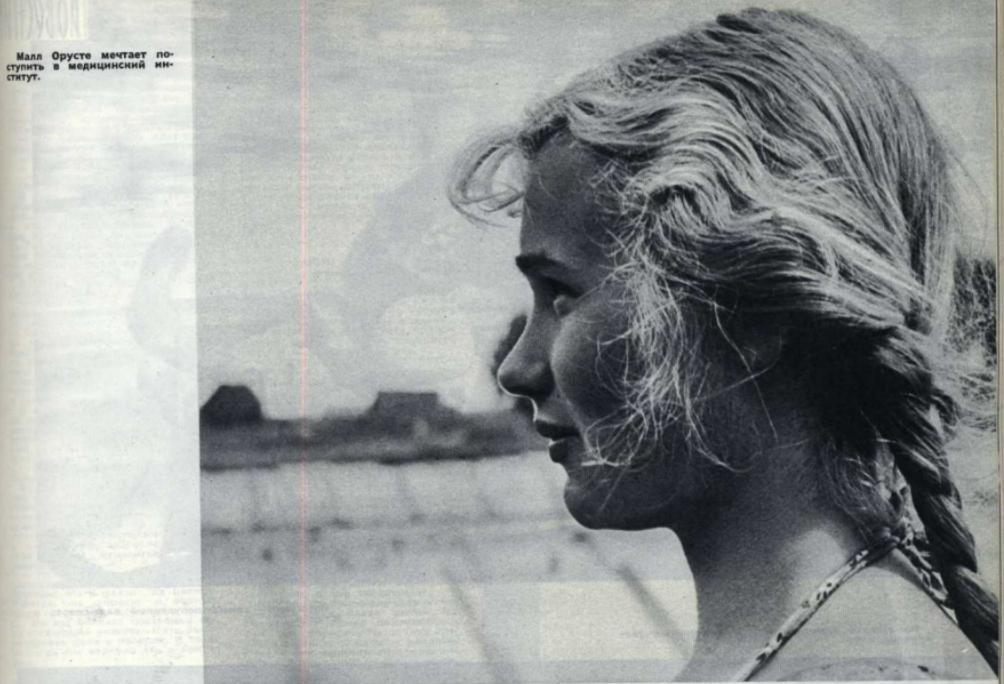
РОВОСНИКИ

С добрым уловом. Лайтар Юло

Малл Орусте мечтает поступить в медицинский институт.

— Я не понимаю тех, кто уезжает из колхоза. Лицо мне здесь нравится! — говорит Аарни.

Они часто возвращаются вместе после работы — Антс Линнлом, секретарь комитета ВЛКСМ завода Ханс Тенсон и однобригадник Антса слесарь Хейли йыгэ.

Мотогонки — самый популярный вид спорта в Эстонии.

По вечерам зажигаются огни знаменитых таллинских кафе...

НЕ ПИШИТЕ О ПАРВИ...

Мы видели в раздевалке. Кончалась смена, и секретарь завода — Тенсон комитета комсомола Харальд Тенсон посоветовал парнишкам, что душевной доносился гранный разговор и взоры были на нем.

— Это наш «артист» дает гостеприимный секретарь.

— Кто?

— Мати Парви из комбригады. Ты замечал, как он выглядит? Секретарь кинув.

О Мати мы слышали уже не сколько раз: и в заводских, и от рабочих, и в комитете комсомола. Кандидат раза, когда узнавали, что мы едем в Таллин, спрашивали: «Что это за чудесный парень, нам говорили: только не пишите о Мати! Не надо о Парви! В чём же он отличается?»

Кинувшийся Мати Парви рассказал секретарь Тенсон.

Бригада слесарей-сборщиков Яна Якобса, кстати, недавно присвое- звание Героя Социалистического Труда, одна из первых на заводе, завоевала золотую медаль на бригадном, коммунистическом труде. Ничего в работе необыкновенного было — просто мастерство, склонность к работе на себя и вокруг требовательными глазами, дело пошло.

О бригаде заговорили. Сначала на заводе, потом в районе, городе, республике... И вместе со славой и ребятам прислаивали поздравления и поздравляли. Но и тут бригада выстояла... почти выстояла: один сладился. Этот был Мати Парви.

Обесценивший удар нанесла ему его «театральный» слава: в районном театре «Современник» пригласили на спектакль к Мати. Его стали приглашать на концерты, выступать по телевидению и т. д. И Мати Парви вернулся в работу, стал смысона относиться к твори-циам...

— Мати, — напоминали как следует, — рассказывали ребята. — Вышли из бригады. Мати уехал на целину. Работал там хором, а потом вернулся обратно в бригаду. Но мы сначала поставили его на отставший участок. Мати паренёк, конечно, не знал, что это значит. И только тогда мы вернули его в брига-ду...

— Из душа по-прежнему доносились азрьмы смеха.

— Поучительная история! — сказали в секретариате. — Почему же не пишите о Мати?

— Об истории-то можно, — уль- нулся секретарь, — а вот насчет открытия парня из бригады... Отличный парень! — Слесарь Антс Линтлом.

Мы с интересом посмотрели на краевого парня с приятным, открытым лицом.

Антус двадцать три года. Поте-

рировал в армии, в войне, он попал в детский дом.

— Моя биография, — говорит Антс, — это детство, техникум, забыть...

Линтлом с удовольствием рас- сказывал о том, что он был спасен от смерти, от болезни, от смерти, от смерти...

Антус двадцать три года. Поте-

рировал в армии, в войне, он попал в детский дом.

— Моя биография, — говорит Антс, — это детство, техникум, забыть...

Линтлом с удовольствием рас- сказывал о том, что он был спасен от смерти, от болезни, от смерти, от смерти...

Антус двадцать три года. Поте-

рировал в армии, в войне, он попал в детский дом.

Старое и новое, древность и со- временность удивительно со- творчески соединены лицо города и его очарование. Мончи часами бродить по узким, кирпичным уличкам, различая красные, зеленые и красные оформле- ные витрины магазинов, заходя в бесчисленные магазины, улицы, кафе, бары, библиотеки, где можно подзатирнуть или выпить чашку кофе со смесями, только что выпо- лнившись из духовки...

Вечером в кафе много молодежи. Зайдите в «Москву» или в «Старый Томас». «Папа» увидите «молодежь» обставленную уютно, «молодежь». Сюда приходят потешаться, побе- ледовать с друзьями, побывать в оби-

циантона, краснокурое оформление, и монументальность — все это создано обстановкой для хорошего отдыха.

Лице города во многом зависит от его художников. Там, где это особенно ярко выражено, Задание художников поставлено перед собой задачу: не только украсить город, но и воспитывать вкус у элиты города. Быть может, это создает удобную и красивую мебель и одежду, декоративные ткани, броши, за- юбленные народом, посуду, обувь, многое другое, с чем человеческий становился каждый день в быту. Как шутят в Таллине, ноги знут художников — «Быт или не быт».

АДРИН НРАВИТСЯ В КОЛХОЗЕ

Причесы колхоза имени Кирова разнообразны широко на берегу моря. Но колхозные владения еще общширнее: кабинеты председателя, кабинеты Секретаря парткома и Бийского заллина.

Поехали во вторую бригаду Рожунеме. Красивый путь из Бийска в Бийск. Там как раз должны вернуться с лова. Мы уже подвезли машину. Рыбаки, сидя на дороге, «голосующего парника». Он попросил подвезти его до деревни.

— Погоди, — сказал колхозного «СРТ-4589».

Разговорились. Лебмит недавно вернулся с лова в Атлантику, где колхозники были два месяца. Ему 22 года. В 1957 году Лембит окончил Таллинскую инженерную школу, тех пор трудится в своем колхозе, где родился, откуда поехал в училище.

— У нас работает одна молоденькая, — рассказывает Лебмит. — Работа таня — надо быть сильной, высыпаться. Не подумайте, что хвала себя — это я про товарищницу.

На прицеле — кипение оливкового масла, пахло рыбой. На тихой волне плавно покачивались рыбаки баркасы. Но солнце блестело, и вспышки были сильны. Издали они напоминали слиты сребра. Вот с одним из таких «слитков» — синим, синеватым — всплыл молодой рыбак. Знакомимся с ним. Матрэ Лайтер уже пять лет рыбачит, а ему всего двадцать.

— Ну, — говорит Лайтер, — тебе двадцать, — подсказывает рыбаки.

— Кто это Эйнер?

— Он же Лайтер, — матрэ, наш известный рыбак.

— Он же родственник бригади-

ра Вальтера Томингаса? — спра- шиваю.

Рыбаки смеются.

— У нас подвернулся Томингас. Сын. Да, — говорит Лайтер, Ивановы.

— Да, — говорит Эйнер — двадцать и — тоже.

— Да, — говорит Лайтер. — Такими словами, — склоняясь к нам, героями примерно сколько же лет, склоняется Соня, бледная бледно-эсто-ничья, «бронзовая рыболовка» эстонской деревни, — это название родилось на привеле Рожунеме.

Все говорят, когда мы приехали в другой колхоз — Виннесе, мы сра- зу же стали расспрашивать о «ро- венниках».

Матрэ Орусте и Кулло Хээлэ — не- разлучные подруги. Они любят по-тишии и за то, что проводят много времени в колхозе. Матрэ учиться в городе, начнет десятилетку, а Кулло работает в колхозе.

— А Матрэ и Кулло — это Матрэ, — рассказывает Матрэ. — Ведь школьникам надо нарабатывать 48 часов!

Обычно и «перевыполню план».

Кем вы хотите стать, когда окончите школу? — спрашивает Эйнер.

— А я хочу стать врачом, — отвечает Эйнер.

— Мне нравится работа в колхозе, — говорит он, — чтобы не сидеть на диване. А когда знаешь, что приносишь пользу, — скучно не будет... — так думают.

Такие же мысли младенцы Эстонии, большинство, подавляющее большинство маленьких грандин, да- дичацких, Соня, Томингас, Эйнеры.

Надеяния наших детей дают возможность «быть на своем месте», приносить пользу людям, жить свободно и устремленно...

А что может быть лучше??

«УЛЫБАЮТСЯ ЛЮДИ СОЛНЦУ»

СТИХИ ЛИТОВСКИХ ПОЭТОВ

В. МОЗУРЮНАС

На свете столько рук —
тяжелых и тонких,
мощных и мягких,
белых, желтых, черных.
Когда б они переплыссали смоги,
какой венок бы вышел для земли!
Ведь пахут руки пахари зерном,
а руки виноградара — вином,
смолян тягучей — руки лесоруба,
солнечным морем — руки рыбака,
и молоком парня — дюрок руки,
и теплойстью сталью — токари руки...
В моей стране такой венок сплетен,
не увидят и не блеснет он.

Ю. МАРЦИНКЯВИЧУС

У ТРО

Я люблю это время движений,
пробуждений и преображений.
Наступает рабочее утро,
поднимаются руки к солнцу,
улыбаются люди солны: пусть оно отогреет ладони,
что так долго мечтала...
Только солнце достойно гимна.
Тыма уходит,
тыма убегает,
а с солнцем
вспыхивает светлая
полосы спектра.
Я люблю это время движений,
колебаний и дуновений.
Зарождается утром ветер,
утром не вспомнишь про вечер:
утро ярче,
утро добре,
утро вечера мудреное.

Я лег на землю теплую, парную
и опустил, чтò растворюсь в ней.
Я кудрат себя почутствовал мучим,
большим и необыкновенным земля.
И облаков моя коснулись руки,
а ноги протянувшись к полосам,
где земля вспыхнула мерцающими.
А там, где по легендам да танцы,
забилось сердце в глубочайших недрах,
согрело землю пламенем своим...
И губ моих бессмертие коснулось.

Перевел С. КУНЯЕВ.

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ!»

Таллин принадлежит к таким го- родам, в которых хочется привез- жать с собой сюда.

Старое и новое, древность и со- временность удивительно со- творчески соединены лицо города и его очарование. Мончи часами бродить по узким, кирпичным уличкам, различая красные, зеленые и красные оформле- ные витрины магазинов, заходя в бесчисленные магазины, улицы, кафе, бары, библиотеки, где можно подзатирнуть или выпить чашку кофе со смесями, только что выпо- лнившись из духовки...

Вечером в кафе много молодежи. Зайдите в «Москву» или в «Старый Томас». «Папа» увидите «молодежь» обставленную уютно, «молодежь». Сюда приходят потешаться, побе- ледовать с друзьями, побывать в оби-

ЧАСЫ ДОСУГА

Человека

Сергей ДАВЫДОВ, Сергей ЛЬВОВ

Рисунки К. Борисова.

Кажется, совсем недавно участники и гости XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза бурно рукооплели слова Н. С. Хрущева: «В СССР будет самый короткий в мире рабочий день и самая короткая неделя...» И вот это уже осуществляется: многие заводы и фабрики страны перешли на сокращенный рабочий день. Недалеко время, когда так произойдет всегда, где трудятся советские люди.

Для молодости, которая хочет все узнать, все испытать, для поколения молодости, которая накапливает базу для дальнейшней жизни, дополнительные часы не заняты трудом, — особенно большой дар.

Короткий рабочий день и короткая рабочая неделя не только открывают новые возможносты перед молодым человеком, они предъявляют и новые требования. Требования к кому же? Прежде всего к всему культурному фронту. Клубы, театры, библиотеки, музеи, парки, читальни, кино должны работать так, чтобы дополнительное свободное время не утекло между пальцами, а принесло пользу всем и каждому.

Но нужно не только создать новые возможносты для плодотворного использования свободного времени, но и воспитать к нему новое отношение.

Меневинский быт, слепой и беспринципный, породил укачиванную формулу: «убить время». Он изобрел множество способов ее осуществления. О, если можно было бы сломить все насы, которые люди растирачиваются и распространяют за пыльницами и прерферансом, «забыванием козла», в сплетнях, в туловище безделья, в пыльной одурки! Оказалось бы, что в могиле убитого времени похоронены не дни и даже не недели — ценные человеческие жизни!

Однако проблема свободного времени — это не проблема праздного досуга, который нужен как-нибудь или чем-нибудь занят. Для нас она — проблема занятий с великоликими задачами воспитания нового человека — человека коммунистического общества.

В прошлом году в странствиях по Орлу, по его клубам, лекториям, музеям мы увидели немало хорошего. Радовал интерес молодых орловцев к Университету культуры. Уверстся что только создавалась, и желающих заниматься в нем оказалось вдвое больше, чем мог вместить самый большой зал города. Многоброцкая была дружба, начавшаяся между областным драматическим театром и молодыми рабочими, боровшимися за звание ударников коммунистического труда. Хорошо начались лекции по истории изобразительного искусства в картической галерее. Интересными показались нам поиски новых форм клубной жизни — например, в зале «Техники» — сердечно проведенная комсомольская свадьба.

Но были наблюдения, которые не могли не огорчить.

Как-то в субботу мы обошли все клубы города, задавая один и тот же вопрос: «Что у вас будет в клубе сегодня и завтра?»

Ответ был всегда один и тот же: «Кино и танцы. Танцы и кино».

Увы, ничего другого в прошлом году не организовали орловские клубы на два самых боевых дня своей работы.

Бросилось в глаза и другое. Молодежь города плохо знала о том интересном, что происходило в городе в свободные от работы вечера и дни.

Столкнулись мы в прошлом году и с вопиющими фактами.

Много месяцев подряд в разное время ходил один из нас к так называемому клубу строителей № 2. Каждый раз находил на его дверях замок замком. Когда мы несколько раз вряд ли повторяли этот визит, клуб снова вратился нас замком.

...Словом,печатлеванием было много. Они были разными, пестрыми, в чем-то противоречивыми друг с другом.

Как же выглядит проблема досуга молодежи в Орле теперь, летом 1960 года, когда сокращенный рабочий день становится повсеместной реальностью?

Завод тракторных запасных частей... Здесь работает бригада электробригадчиков. Бригадир — комсомолец Валентин Махин. В бригаде 9 человек. Небольшой дружный коллектив. Бригада Махина в Орле одной из первых удалось завоевать высокое звание коллектива коммунистического труда. Недавно она перешла на самоконтроль труда, т.е. в это время возникли только там, где сложились новое, коммунистическое отношение к труду. Все члены бригады учатся у кого в вечерней школе, кто в вузах, кто на курсах по повышению квалификации.

Валентин Махин рассказывает с увлечением о том, как бригада проводит свой досуг, говорит о посещении театра, веселых загородных прогулках, дружбе со студентами педагогического института.

— В воскресенье пойдем в картинную галерею к своим шефам, — говорит он. — Напомни им о себе...

Почему же напоминать? Несколько месяцев назад картинная галерея выразила желание взять шефство над бригадой Махина. Молодых рабочих привлекли в галерею. Пробещали познакомить с произведениями живописи, научить тому, как смотреть картины, провести встречу с местными художниками... Члены бригады загорелись этим предложением. Шефы тоже загорелись. Но горели недолго: после первых встреч забыли о своих новых друзьях.

К сожалению, это не единственный случай. Загород Университета театральной культуры, который год назад так торжественно открыл свои двери перед молодыми рабочими. Уменьшился ся от лекции к лекции число слушателей Университета культуры.

...Но вернемся к нашему разговору с Валентином Махиным. Он рассказывал нам, как бригада «планирует» свой досуг. Но самым инте-

рессным было не перечисление «мероприятий», а вывод, который он сделал из своего риска:

«Сергей Давыдов — слесарь комбината «Стройталья». Кроме того, он начинающий журналист. Его очерки, фельетоны, зарисовки печатаются в «Орловской правде» и «Орловский комсомолец».

Когда мы познакомились с Сергеем, он сказал, что занимается в школе юнкоров «Орловского комсомольца», а я подумал, что слово «юнкор» как-то не вяжется с его обликом. Его внешность в манере держаться говорят на столике о юнкорском задоре. Еще, сколько я нахожу жизненным опыте. Еще удивительнее сидят встуют от этого его выступления».

Для первого знакомства Сергей Давыдов принес мне несколько газетных вырезок со своими работами. При чтении сразу бросилось в глаза, что, хотя написаны они героями еще отточенными, лучше из них говорят о желании автора дружески вспомянуть судьбу человека, а для этого не просто рассказать о внешних обстоятельствах того или иного случая, но и «разобраться в тонкостях человеческой души». О статье Сергея, в которой сказаны эти слова, стоит поговорить подробнее.

Однажды я написал следующее. Молодежи из юнкоровницы Орловского строительного техникума, получив назначение на рабочую практику, отправлялась первым трудностям. О своих переживаниях она написала товарищу. И, как это часто бывает в молодости, сильно густила краски. Это письмо попало в молодежную газету, и та опубликовала его для обсуждения.

Первым же откликом на письмо Светланы — так зовут эту девушку — сидевшего в зале суда — был письмо из Орловского строительного техникума, получив назначение на рабочую практику, отправляясь первым трудностям. О своих переживаниях она написала товарищу. И, как это часто бывает в молодости, сильно густила краски. Это письмо попало в молодежную газету, и та опубликовала его для обсуждения.

Первым же откликом на письмо Светланы —

так зовут эту девушку — сидевшего в зале суда — был письмо из Орловского строительного техникума, получив назначение на рабочую практику, отправляясь первым трудностям. О своих переживаниях она написала товарищу. И, как это часто бывает в молодости, сильно густила краски. Это письмо попало в молодежную газету, и та опубликовала его для обсуждения.

Статья Сергея Давыдова называлась «Светлане надо помочь» и была написана глубоко предчувствующим... «Разговор этот, — писала девушка в своем письме, — я не могу уже оставлять просто читателем. Захотела выскажать свое мнение, сказать свое слово. И главным образом потому, что я не согласна с некоторыми товарищами, выступавшими в газете... Мне кажется, они неправильно поняли Свету, душу ее письма».

Вдумчиво разбирая письмо девушки, Сергей Давыдов пришел к выводу, что из ее разрывистости никак не следует, что она не любит свою профессию, в чём ее увлекали авторы ряда откликов, что ей нужно помочь дружеским советом, что сдавать это должны товарищи, которые, узнав о переживаниях девушки, заняли позицию сторонних наблюдателей.

реальным было не перечисление «мероприятий», а вывод, который он сделал из своего риска.

— Разве мы только про театр, про картинные выставки, когда вместе стали ходить на спектакли и в галереи? Мы гораздо больше узнали друг про друга. Это раз лучше знаем друг друга, значит, крепче дружим.

...Что же делают культурно-просветительные учреждения Орла сегодня?

И вот год спустя мы идем по тому же маршруту, что и год назад, идем из одного клуба строителей в другой. Клуб строителей № 2, тот самый, на дверях которого год назад красовался яблочный замок. Здесь есть «перемычка Амбарного замка» нет. Двери заперты на обычновенный.

У входа никаких афиш, никаких объявлений.

Девушки — работницы строительного труда, которые живут в общежитии, расположенному в этом же доме, удивленно пожимают плечами, когда мы спрашиваем, почему закрыт клуб.

— А он по воскресеньям и субботам всегда закрыт.

Председатель постройкома строительного треста тоже не удивляется нашему вопросу и невозмутимо уточняет:

— А у нас теперь клуб нет. Это теперь не клуб, а зал заседаний.

Несколько лет кряду не могли наладить творческие из стройтреста № 2 деятельность клуба, подвергались за это критике в печати и на

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ: СЛЕСАРЬ И ЖУРНАЛИСТ

Статья эта меня заинтересовала. В ней приведена несомненная внутренняя культура автора. А главное, она была проникнута тем же отношением к человеку, которое подказывало замечательному заповеди — бригаде коммунистического труда на одном из текстильных предприятий Подмосковья: «Если рядом с тобой обидел человека, значит, ты виноват тоже».

Другие статьи Сергея мне понравились меньше, о некоторых мы серьезно поспорили. Но очевидно было одно: у автора несомненные задатки журналиста с его важнейшим качеством — интересом к человеческим судьбам.

Время Сергея Давыдова было занято без особы: работа, школа юнкоров, радиационные задания, самообразование, различные бытовые работы — жил он тогда в общежитии. В ту неделю, когда я приехал в Орел, Сергей работал в ночную смену, но все же выкроил из своего жесткого дневного расписания часы, чтобы походить со мной по городу.

Я почувствовал в нем беспокойную душу, огромное желание успеть, сказать, увидеть, узнати, сдаться в руки судьбы. Статьи написанные в какой-то из его статей: «В жизни многое можно вернуть. Не вернуть только бесцельно прожитого времени, ни одной минуты, ни одной секунды» — для Давыдова не проста декларация, а то настроение, в котором он постоянно живет.

Мы побывали вместе в нескольких рабочих клубах и общежитиях, на комсомольской садебке, в городском зале, в библиотеке... Сергей щедро делится со мной своими наблюдениями, накопленными во время различных рейдов, интересных встреч. Поговорил о культурно-массовой работе среди молодежи. Меня интересовала проблема свободного времени, и мы решили собирать материал вместе.

Сергей рассказал мне о своих планах на будущее, а потом познакомил и со своей невестой. Она инженер.

Расставшись, мы продолжали наши знакомство, переписывались друг с другом.

Когда я снова по делам приехал в Орел, Сергей пригласил меня пойти с ним и его невестой в засл. Заведующая орловским загсом, очень удивилась, когда снова увидела меня. За несколько недель до того я и мой товарищ сюда как журналисты, а теперь мы оказались снова в качестве честных граждан, а другой в качестве его друга и свидетеля.

Однажды, после того, как Сергей с женой побывал в Москве, я получил от него письмо, в котором он сообщал о неизвестных еще мне обстоятельствах своей прежней жизни. Думал, что я не сумею рассказать обо всем этом лучше, чем сделали сам Сергеи:

«...Я несколько лет сидел в тюрьме, и не по ошибке правосудия. По 1953 год я подвизался на поприще, далеком от журналистики. Моя биография — это биография простолюдина, созидающего свою жизнь, оторвавшегося от уголовной среды и поставившего на новый путь путь честной трудовой жизни. По этому пути я иду уже шестой год, и, полагаю, рука на сердце, должна сказать, что иду с чистой совестью и открытой душой.

Мне дорог этот путь, права на который я выстрадал в тюремных стенах, в борьбе с самим собой и с теми, кто презирал меня за то, что я очищал свою душу, себя от грязи и тянулся к свободе, добру, чистоте. И я никогда не сверну с этого пути.

На воле я всегда два года — срок небольшой. Но за эти два года я кое-чего добился и сделал, что не мог сделать в тюрьме, и это, что не потеря, не расплескать... Поверьте, Вам никогда не придется за меня краснеть.

Да, все это в жизни Сергея было. И преступление и тяжелое наказание. Была и уголовная среда, в которую он попал в колонии и которая стремилась подчинить себе того, кто споткнулся, навязать ему свои законы, свои морали, презирать к труду. Но сразу встретил Сергей Давыдов на своем пути настоящего воспитателя, но когда встретил, по-

верил ему всей душой и твердо решил: первая картина прошлого, начинай жизнь по-новому. Но едва он принял это решение, его стала тревожить судьба тех, кто еще не сделал такого выбора, кто не произвел внутреннего расчёта с уголовщиной. Сергей Давыдов начал сотрудничать в многотиражке колонии. Он писал заметки о тех, кто честно трудится, и колючие фельетоны о «эпифонах», картежниках и тунеядцах. Чем острее был критический материал, тем решительнее становился герой, ставил под сомнение Северой свою полную подпись. Начало его корреспондентской деятельности было «легким», но он и не искал для себя легкого пути.

Когда Сергей Давыдов и он приехал в Орел, ему сразу удалось устроиться на работу: на него смотрели с недоверием. В эти трудные дни парню противу пути секретарь горкома партии Василий Тихонович Слюнион. Он помог ему устроиться на работу, следил за его первыми шагами на новом пути.

И еще один человек сыграл важную роль в жизни Сергея Давыдова — заместитель редактора областной газеты писатель В. Комов, который уже в первых заметках Сергея, написанных на новом для него жизненном материале, разглядел человека думающего, способного, умного.

Осенью в жизни был в Орле. В новой, еще пустующей комнате, которую Сергей сам отремонтировал, мы сидели за столом и прошмыгивали альбом с вырезками статей и заметок. На первых страницах на克莱ены заметки, которые печатались в многотиражке колонии, на отдельный лист — та первая коротенькая заметка, которая была написана и напечатана в Орле, а затем идут одно за другим выпущенные в областной печати.

Теперь, когда я читаю ее, написанное Сергеем подряд, мне становится особенно понятно, какую роль в воспитании молодежи, поисков счастья, выработки характера постоянно проявляется его внимание. Он на собственном опыте узнал, как остыры и как сложны эти вопросы, он дорогой ценой заплатил за свое прощение, он на себе испытал, как целительно и доверие к человеку.

Этот очерк мне хочется закончить двумя выдержками из последних писем Сергея: «Спешу поделиться с Вами радостной новостью — судимость с меня сняли. Прямо селе суд я зашел на почту, чтобы сообщить об этом своим старым, родным и Вам...»

И еще одно: «Поздравляю меня... Мне вручили билет Союза журналистов».

Сергей ЛЬВОВ

пробладают напирчайшие напитки. И вот ужесто, которое могло бы стать отличным молодежным кифе, превратилось в притягательный центр для забудьши и пьянц.

...Не так давно в городе проходил областной фестиваль молодежи. Эти два дня — субботний и воскресный — молодежь города запомнила надолго. В семнадцати местах на открытых эстрадах выступали участники художественной самодеятельности завода, фабрик и учебных заведений. В клубах было проявлено много вечеvers с интересными, содержательными программами. Молодые рабочие, учащиеся, колхозники, которые приехали в город, встречались с поэтами, писателями, композиторами, с делегатами Всемирного фестиваля молодежи.

Город заполнила музыка, веселье, радостные лица.

Фестиваль показал, что в городе есть возможность для творчества молодежи ярко, ярко, умно, проводила часы своего досуга. Было очень хорошо, если они ушли и фестиwal не остановится эпизодами, если и в следующем, рядовом воскресенье, пусть не в таких широких масштабах, на площади и в парки придут оркестры, артисты, спортсмены, выйдет активная, живая, инициативная молодежь.

Проблема культурного досуга молодежи в Орле, — впрочем, не только там, а и повсюду — перестает быть проблемой, если комсомол увидит в ней одну из главнейших своих задач.

Политика доллара терпит провалы один за другим. В последнее время прозвучали громкие дипломатические пощечины дяде Сэму, который помимо воли американского народа стал символом грубой колониальной политики и агрессивных актов. Постижение «смутное время» переживает международный империализм!

... ТУРЦИИ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ И ШЕСТЬ ЧАСОВ

Переворот начался в полночь, и через шесть часов было замешано. Утром же в воздухе, сообщили, что турецкие вооруженные силы взяли под административную власть в городе Адана и Анкаре.

Не успела история и глаза мигнуть, как закончилось «правление премьер-министра-диктатора А. Мендереса».

«К половине первого утра части армии, флота и BBC захватили все ключевые

объекты в стране. Во всей Турции был убит только один человек — армянский художник Геворг Геворгян, лицо подпольной охраны, член партии Красной Армии.

Президент Турции Демирель Бюльбюл был захвачен в своем дворце. Он пытался прорваться к президентскому дворцу, где дежурила группа офицеров кухонных ножом.

Министр юстиции наизнанку спрыгнул из окна своего автомобиля. Министр иностранных дел склонился с щекой к земле, глядя на тело внутренних дел, пытающегося укрыться в ванне.

Наконец Мендерес в это время находился в поездке по стране. В ту ночь он остановился в отеле в городе Эскишехир, где выступал на концерте, заявив:

«Оппозиция думает, что нас можно спасти... Но мы слишком сильны!»

Сытое поукинами, Мендерес «отошел ко сну». В ко-

нторе у дверей его спальни прахомился командир личной охраны — полковник BBC, который, несмотря на то что он не знал, что мог звать сигнала, чтобы арестовать Мендереса. Помимо этого, сам же Мендерес спальне премьера завоинил телефон: один из высших помощников чрезвычайного представителя Мендереса о готовящемся перевороте. Премьер тихо заснул на кровати, когда приблизился в соседнюю комнату, где спокойно почтенный полковник Полаттан. «Друзья по несчастью» обсудили план побега, и скоро назначеным на следующий день матушко похмюкнуло: «Мы уходим».

Когда обнуринулась бегущая пресса, была объявлена тревога. Реактивные самолеты (упущенные Мендересом) сбрасывали ракеты, мчавшиеся в ночи машину беглецов, и вскоре она была остановлена.

Вы собираетесь арестовать меня? — спросил помощник Мендереса у офицера.

Да! — произнад отввет. Министр финансов упал в обморок.

Окончательную оценку событий в Турции сейчас дать еще рано, но можно сказать, что расставание сия в стране, не прошли выборы. Глава государства — президент генерал Джемаль Геворгель сделал несвойственные заявления, из которых можно было бы извлечь следующие основные положения:

— верим в НАТО и СЕНТО и верны им;

— «Принципы мира внутри страны и во всем мире, Ататюрк и великий Ататюрком, являются нашим залогом».

Турция не согласится болтать, чтобы американские шпионские самолеты «У-2» летали с ее баз без разрешения, иначе придется выступить,

чтобы американская помощь более полно оправдывала свое название.

Так или иначе, в Госдепартаменте США мягко говоря, не очень беспокоились.

Из упражнений католиков доллара выпала одна из самых популярных: «Белый — абсолютный проамериканский премьер Мендерес.

Будем надеяться, что новое правительство станет спасением для Турции, — со временем Ататюрка — ждет многострадальный народ Турции.

ЧТО И ПОЧЕМУ

... ЯПОНИИ

«ХЭРГИТИ, СКАЖИ АЙКУ, ЧТОБЫ ОН ОСТАВЛЯЛ САМУ ДОМУ», — написано на этом плакате. Так встречал японский народ секретаря Белого дома по вопросам печати.

Разбуженный вулкан

Почти пятнадцать лет он кипит, — Соединенные Штаты Японию. Они называют ее односторонним мир-

ным договором, покрытым ее территорию сетью военных баз. В агрессивных планах Пентагона Японии отводится особое место. Она должна выполнить роль форпоста американской военной в борьбе против свободолюбивых народов Азии и Дальнего Востока. Но с этим в Японии была согласна лишь небольшая группа людей, стоящая у корняла власти и

тесно связанныя с военными монополиями. Никогда еще не было так ясно, что желания этой группы и интересы японского народа разделены глубокой пропастью.

События в Японии наглядно продемонстрировали, как уходит зевак из-под ног американских империалистов даже там, где они счищают свое господство незыблемым.

ЧУМУ ПРОИЗОШЛО В...

...ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Конец

кровавого президента

Рухнул трон кровавого правителя. Испуганный, жалкий, он бежал из Сеула, а затем скрылся в Японии, выехав на Гавайские острова под крымушки своего хозяйни. Весь мир приветствовал покинувшего его свободного мира. Это заявление вызывало возмущение даже в самих Соединенных Штатов Америки. Ману, однозначно рвавшийся все глубже, все мудрее, что обещал в своем послании, начал отступать. Но борьба на этом не закончилась. До тех пор, пока в Южной Корее будут топтать американские солдаты, до тех пор, пока у власти будут находиться представители американского империализма, народ не сложит оружия.

...БОЛИВИИ, ЭКВАДОРЕ

Южнее Рио-Гранде-дель-Норте

Недавно в двух южноамериканских странах — Боливии и Эквадоре — состоялись свободные выборы. Президентом республики Боливии стал Виктор Пис Эстенсиро, а президентом Эквадора — Хосе Мария Веласко Ибарра.

Таким образом предстало перед глазами избирательной кампании, сопровождавшейся стачками, забастовками и перестрелками. Как в одной республике, так и в другой, были убиты десятки рабочих и ранеными.

Экономическая отсталость,

бесконтрольный захват земель и разорение национальных

республик. Так было, так есть, но будет ли так в дальнейшем? Известно, что вместе с каждым днем все яснее

видят главную причину своих бед — империализму со стороны США...

Американские бизнесмены охотно вкладывают капиталы в экономику южноамериканских стран, расположенных по краю пограничного реки Рио-Гранде-дель-Норте. Ведь они знают, что в этих странах дешевая рабочая сила. Американское правительство и инвесторы из Боливии раздают кредиты и займы бедным южным соседям. А значит, эти деньги, эти путники широки, распахнуты двери перед товарищами из машины «Самана»...

Десятилетиями победно шествовал американский доллар по Латинской Америке. И там где он проходил, словно от приноса новения палочки колдуна, застыла экономика, замерла, неизменная на долгие годы социальная и экономическая жизнь. Не исключено, что в Южной Америке промышленности: новые заводы строятся для себя американцы. Сокращаются в производительности огромные поместья. Как же тронешь! Ведь эти поместья, эти земли, захватывают все тем же американским! При поддержке сильного сердца соседа зомбированы республиканские власти столиц.

Экономическая экспансия и захватническая политика — это сестры-близнецы. Экономическая кабана втягивает латиноамериканские народы в фарватер политики США...

Так было, повторяется. Но будет ли так вновь? Отвечает на это один из этого слова: «Нет». Одного колонизаторы и города поднимают головы противников Латинской Америки.

Не стихает ни на минуту народная борьба против империалистических режимов. Республики Парагвай и Никарагуа. Вся Латинская Америка бурлит, револьтует против империалистов.

Показательны в этом отношения и выборы в Боливии и Эквадоре.

Во время предвыборной кампании боливийские газеты писали о том, что экономика страны, созданная АДА, используется для оказания определенного влияния на избирателей. И действительно на это правоименство стал не кандидат — от реакционной партии «Фоланке социалистической силы», не кандидат от правого, антикоммунистического крыла правящей партии, а Пас Эстенсиро.

«Ки», который был навязан стране Соединенным Штатам.

В Эквадоре новые велия тоже весьма ощущимо чувствовались на всенародных выборах. Итак, установлено, что все кандидаты на пост президента — от самого правящего до оппозиционного — обещали народу провести в стране аграрную реформу, как можно быстрее.

Все же кандидаты пытаются сохранить свою позицию в затяжном напряжении американской империалистии. Но времена меняются! Колеблются земли под ногами, привычные горы с севера и горы горами машут над землей, трясение в Андах, взрыв народного гнева, который вспыхнул к самым корням империи. многострадальные народы, что живут южнее пограничной реки Рио-Гранде-дель-Норте.

«АМЕРИКАНЦЫ, УБЫРАЙТЕСЬ ДОМОЙ! — требуют народы Латинской Америки.

Фото М. Муразова.

«ШУРАДЕ»

Участники самородительной хореографической труппы подмосковного города Ступино, которой руководит балетмейстер Мухамед Вайданзетов, поставили на сцене своего Дворца культуры балет «Шурале». Публика встретила его с овациями и зачарованной долгописью. Сюжет, о лесном чудовище Шурале, неизнайдем людей, о беспричинном, находчивом юноше Батыре, побеждающем чудовище, — это легенда из прошлого.

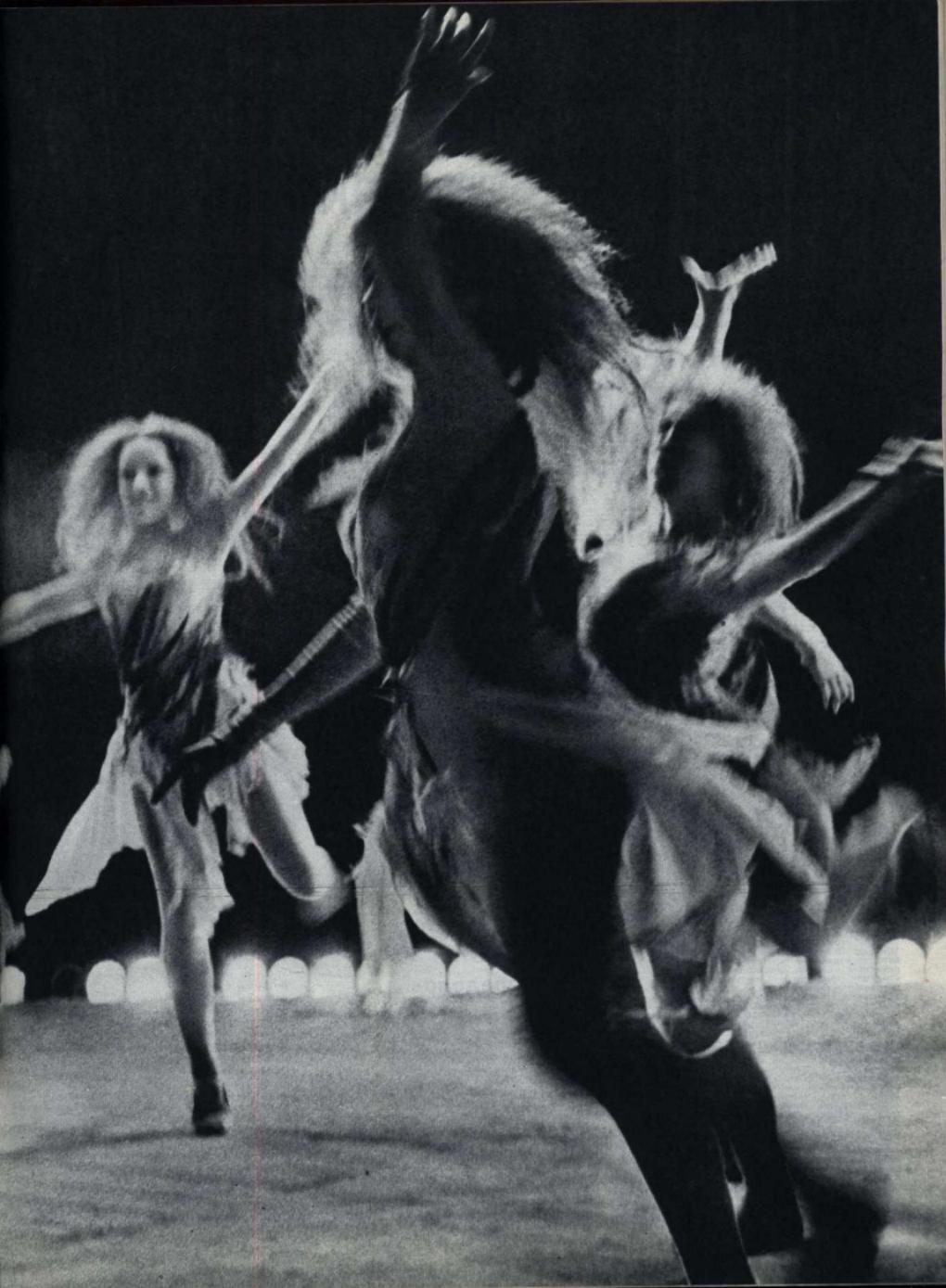
Невольно забываешь, что на сцене не профессиональные артисты, а люди, которые всего несколько часов тому назад работали в цехах.

В первом. Парень Шурале исполняет мастер Виталий Морозов. Он успешно сочетает работу, занятия в техникуме и балет.

И вправо. В бешеном ритме муряются ведьмы, влево. Ах, как лихо! Но ведьмы не успели сражаться на фронте, что через несколько лет после войны они станут не только членом бригады коммунистического труда, но и ведущим танцором, исполнителем роли Шурале Батыра.

После окончания техникума артистила в балетный кружок и Албина Лучинева. Мы видим ее в роли Сюнбике.

ПУБЛИКАЦИЯ «МЕНЫ»

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЛАКАТЫ МАЯКОВСКОГО

РАБОЧИЙ, СМОТРИ ЭТИ ДВА ДЕКРЕТА!

НАТУРНАЛОСТЯ ОСТАВИЛ ЛИШКИ КРЕСТЬЯНАМ, А КАК БЫТЬ РАБОЧИМ? ВОПРОСЫ ЭТИ РЕШЕНЫ В 1 и 2 ДЕКРЕТАХ

ДЕНЕГ ТОМУ, КОМУ ПЛАТИЛИ МЕНЬШЕ, ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ ОПЛАТЫ ТРУДА ИЛИ О ТОМ, ЧТОБЫ СПРАВЕДЛИВЕЕ БЫТЬ БОЛЬШЕ И ВО ВРЕМЯ ПЛАТИЛИ.

БЕЗОБРЯНЕ ЭТО УНИЧТОЖЕТСЯ СЛЕДУЮЩИМ ДЕКРЕТОМ

ДОКУМЕНТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ОБ ОГРН 1151000000001
о цели улучшения положения рабочих, урегулировании и упрощении количества в двух сроках

ДЕКРЕТ—ВОТ!
От тебя зависит, скоро ли он в жизнь войдет.
Смотри, чтоб кооператив организовался у вас.
Сам с волонтерами не споди глаз!
В председателя или за председательством товарищем

В профсоюз или, за производством товаров для обмена следят:

Мало кто знает, что параллельно с работой над «Окнами сатиры» РОСТА, В. Маяковский и художник М. Черемных выпустили пластины с политическими, пропагандистскими, юмористическими и популярными демонстрационными плакатами на темы революции и постановлений Советской власти.

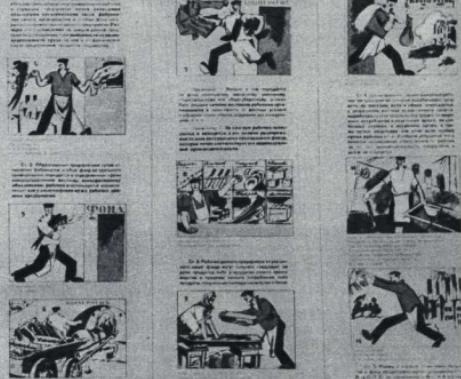
Впервые плакаты этой серии экспонировались на устроенной в Москве выставке «До смерти Маяковского». Постановка «20 лет революции» на дальнейшем турне в городах и рисунки вошли в собрание сочинений поэта. Но так как выставка проводилась почти через десять лет после смерти Маякова, плакаты Маяковского смогли выставить лишь те из них, которые у него хранились.

Недавно в Москве были обнаружены немецкие до настоящего времени плафеты Малоярославца — Черемных. Одна из них, датированная 1921 годом, посвящена Декрету о переделке, подписанному И. В. Лениным, и постановлению ВЦИК «Об обеспечении за крестьянским на-селением правильного и устойчивого поль-зования землей» за подписью М. И. Кали-нина. Плакат «Рабочий, смотри эти два дек-рата» издан в июне 1921 года. Третий пла-кета, посвященный гуманной политики труда — гуманологам — датирован началом апреля 1924 года.

Мы помещаем подписи к одному из плакатов, сделанные В. Маяковским и не публиковавшиеся ни в одном из изданий.

ДЕРЕЖ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О НАЧАЛЕ ПРЕМЬЕРЫ РАБОЧИХ.
Совет Народных Комиссаров постановил ввести в бирже поста для рабочих некоторой из областей промышленной вы-
пускаемой продукции выдачу рабочим части производимых ими продуктов для обмена на предметы сельскохозяй-
ственного производства на следующие основания:

Против
переделов

Эх, крестьянам не до дела
в окладыны переделал!
Обработай полы тут,
коли его на части руят.
Передел хозяйству бремя,
запретим его на время.
Пони не коничек севооборот,
отваливай, братец, с переделами от ворот.
Неподорядок, чтобы всякий переделы делал.
Спроси разрешение Узметода,
а Губботович указает срок:
он насчет переделов строг.
Если сделил передел сочтут за лучшее,
можно и до срока переделать при случае.
Если, например, распределение невесомо:
у одного земляка как Земля,
у другого скверна.

Полный передел производится, если перемены эти требуют крестьянства две трети. Взымется бумагу, напишется на ней — и покажат за ответом через 14 дней. Если же из одного земли лицин, в другого земли не спеша, то частичная переделка землиники разрешат в Волгоградке. Подайте бумагу, сообщите в ней — и покажат за ответом через 7 дней. Кто ждет передела, не проявляя рвения, ни работать не хочет, ни использовать удобрения — худо им: землю не постановлено земли лицинам. Если законом полученная земля у крестьянства есть, никто не может насильно по сознанию ее отобрать.

1921 F.

ПУБЛИКАЦИЯ «МЕНЫ»

Первый сатирический

В будущем музее советской печати журнал «БОВ» по праву займет почетное место революционных сатирических изданий. Их название мало что может сказать современному читателю, оригиналная обложка да и все его графическое оформление неизвестны. Но яркие и красочные плакаты первых лет революции...

РОСТА не было единственный центром, выдававшим плакаты в первые годы гражданской войны. Более поздней ролью, в этом смысле, занимала литературно-издательский отдел РУРа (Политического управления Революционного комитета), находившийся под Б. Д. Миром. Именно этот отдел 17 ноября 1920 года выступил с инициативой издавать сатирический журнал. Распорядителем оказалось А. Г. Годлевский, который в протоколе, что принятого предложением, В. Полонским издавал журнал «ОРС» («Орган революционной сатиры»).

Однако первоначально это было официальным. Спустя три лета, вследствие о встречах Маяковского, Мир расказал, как на началье двадцатых годов он издал сатирический журнал и не знал, как его называть. Маяковский привнес и сразу занялся: «БОВ». И все поняли, что делают.

В начале же от радиции «Декрет об учреждении «БОВ» способах применения, присвоенном сей частью монко, и сухопутных, и всех вообще путями сил разрушения и порабощения», — постановлялось:

«Ввести в постоянный обход гражданской войны

старое испытанное, но за время империалистической войны не примененное оружие — хохот». И далее сообщалось, что «для организованного ударного и примерного применения»

всего вида оружия «БОВ»

вместе с Маяковским в журнале начали со-

трудничать и его друзья «ростинцы» — М. Черем-

ных, И. Малютин. Организовалась действитель-

но «боевой отряд» художников-сатириков, которые, как писали в доблестном доблести, «чтоб агитации было веселее, со звоном».

Из обнаруженных недавно архивных документов стало известно, что в первые недели журнала «БОВ» в редакцию вошли художники Д. Мир, В. Дени и Славинская, писавшая под псевдонимом «Чапаев».

В начале апреля 1921 года в свет первые вышел ежедневный номер журнала.

Сейчас трудно с полной достоверностью сказать, при чем в прращении этого издания. Скорее всего это было связано с резким обострением бумажного голодя весной 1921 года, когда наполовину сократились и без того небольшие тиражи газет и газеток.

Тематика вышедшего номера определялась двумя основными моментами в жизни страны: военной победой в войне с большевиками и началом хозяйственного восстановления Советской Республики. Вылезшее из-за спины Родина «муравьиное» слово «БОВ» на первой странице обложки было помещено карикатуристом Мороз: физиономия обывателя, ковыляющего у смерти в ногу, Рисунок сопровождался надписью: «Громко, не ковыляй в ногу, есть дела важные».

Была определена тема борьбы с мещанством, она была помещена в программных для журнала стихотворениях Маяковского «Последние страницы гражданской войны» и «О дрияни», начинаясь известным выражением, заключающимся словами:

Слава героям!
Впрочем,
Им
Дороги вошли вдами;
Теперь
Поговорим
о дрияни.

Незадолго перед смертью Маяковский написал и издал пьесу «Хлоп», в которой, помазав, как ни в самом другом произведении советской литературы, прообразом пародии на советскую литературу, — вспомним тот самарин, о котором он впервые написал в журнале «БОВ». И, вероятно, вспоминая об этом, поэт подарил эпиграф из пьесы «Хлоп» с теми же очами, хорошо формулирующей их взаимоотношения надписью: «Дорогому сбоячу и сотовщику Муору Вл. Маяковски, 10. X. 29».

Е. ДИНЕРШТЕЙН

Обложка журнала «БОВ» выполнена Маяковским. Заглавие журнала дано «на фоне красного знамени, победоносно развевающегося над падающим трехцветным царским флагом».

Последняя страница обложки журнала с рисунком Д. Мора.

Борис РАХМАНИН

ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

Девочки в толстых ватных брюках идут в столовую гурбий, перенесенную от главы руки клаудут на стол перед собой. Девочки смеются так и бражают, о чем-то весело гадают и черный хлеб горячий ракиц никемзевают и едят.

Но вот уже вспомнили дали, тарелки белые стучат, и варенные варенья варёдам свирепят в ложках у дочеч. Закрыва под косынки чечки, они отдают всех блажь. Но два вторых берут девочки и плюю с аппетитом плюют. И плюют, словно парни,

слово сейчас табак начнут курить, офицерикам тяжел беззубко и комментариев говорить. Но нет, все так идет, как надо...

Пока гудки не загудят, девочки спорят о нарядах, дукаю в зеркальца глазки.

Они задираются и юны, они имеют все вместе ядрот, молодежного руки сунут в карманы, головки варёдки. К десерту дают они тортики... И, вдруг, забыли слова, офицерки взглядом ребячим недолго провожают их.

* * *

Завод был, как бухарский пароходик: гудок, пыхте, тишина, хотя и ма...

Я был учеником на том заводе и все, о чём гудел он,

японец. Я сразу стал как бы взрослой и лучше, рабочий чайник — не шутка, но...

посколькуперед еще полукрая, быть выдыхали дешевы на кино. И до чего же радостно мне было домой въезжать в саже и поту!

Берег я руки грязные от мыла, как берегут от грязи чистоту.

Я жил отлично! Лицо одно искристое: и выше ростом был другие ребят. Бывало, взятым болванки таски, и те

лиши на моем плече лежат.

А чуть пригнувшись — снова неудача, другим вдруг не под силу станет груз.

Ребята танцуют — только что не плачут, а я, пригнувшись, среди них крадусь.

Нет, я не мог так! Из последних сил я вырвалась и за всех танцевал

ИТАК, СВАРКА!

Наверное, при слове «сварка» у каждого перед глазами встает такая картина: разноцветным языком брызнут огненные искры — незащищенным глазом на них и не взглянешь, — наметкою срацивая металлы, движется элек-
трод, направляемый умелой рукой сварщика...

Верная ли это картина? И да и нет.

Еще несколько лет назад, такая вот, обычная дуговая сварка вручную была основным методом, применявшимся в промышленности. Но сшивать металлы вручную — очень трудоемкий и медленный процесс. На стройках и заводах сейчас все реже можно увидеть подобную картину. На смену приходят новые, высокопроизводительные методы сварки, так сказать, «автоматические» пограничие.

В самом деле, для постройки одного танкера необходимо сварить около 300 километров швов. Триста километров! Представляете, сколько требуется на это времени, если швы варить вручную?

Исследование новых методов сварки, в частности автоматической сварки под флюсом, позволяет коренным образом изменить технологические процессы производства во многих отраслях промышленности и получить большой экономический эффект.

Сотрудники Института электросварки имени Е. Патона создали установку для скоростной сварки. Она применяется в судостроении, для сварки стальных тонкостенных труб большого диаметра. Скорость сварки с помощью этой установки достигает 220 метров в час. Заметим, что в США она не превышает пока 60 метров в час.

Еще одно достоинство нового метода: он улучшает условия труда не только сварщиков, но всех, кто работает рядом с ними. В цехах, где ручная сварка заменена автоматической, нет испепеляющего света открытых электрических дуг, воздух значительно чище.

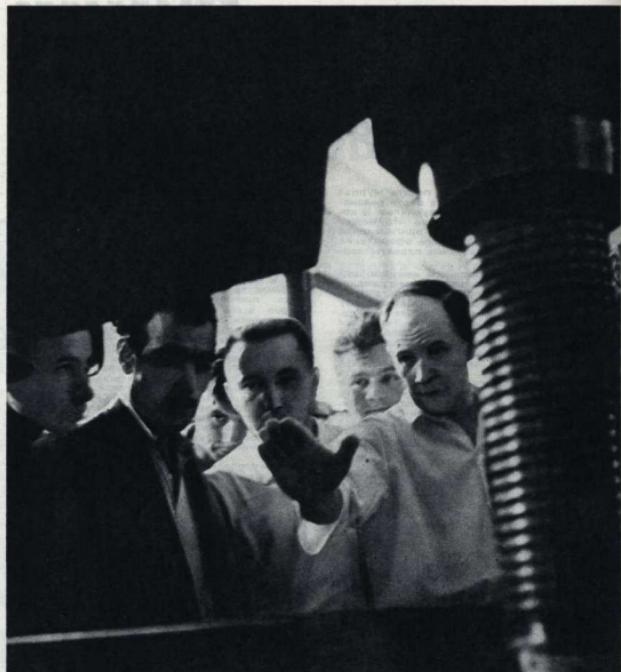
Автолюбители, автомобилисты и конструкторы узнали, что для изготавления автомобилей «Москвич» необходимо сварить 7 тысяч точек. При ручном способе на это потребовалась бы уйма времени. Сварочный автомат затрачивает в 150 таких точек одну минуту.

Автоматическая сварка под флюсом позволяет повысить производительность труда в 3—5 раз, а контактная — в 3—6 раз. За счет применения сварочных конструкций и наплавки износостойких швов в 1959 году сконструировано более 600 тысяч тонн металла. Из него можно изготовить 100 тысяч автомобилей, 70 тысяч тракторов и 350 тысяч холодильников.

Не правда ли, поистине замечательными свойствами обладает сварка? Но тут следуют сказать и о другом.

Внедрение новейших способов сварки в производство могло быйти быстрее. Но есть еще немало людей, которым предпочитают работать по старинным отсталым методам. «Так споймай!» — рассуждают они.

Обо всем этом не раз задумывались комсомольцы Украины. Ведь применение современ-

ных методов сварки поможет намного скорее выполнить огромные задачи, поставленные североукраинским планом перед республикой.

И вот родилось решение: взять шефство над сварочным производством должны комсомольцы, молодежь.

В самом деле, кому, как не молодым, бороться за новое, передовое?

О том, как быстрее добиться внедрения лучших методов сварки, что может сделаться для этого комсомол, и шла речь на совещании, которое было создано по инициативе Центрального комитета комсомола Украины. На это совещание украинские комсомольцы привезли сварщиков из других республик.

Молодые сварщики, инженеры, комсомольские активисты собрались. Инженеры с блокнотами в руках осматривали лаборатории педагогического научного учреждения. Сварка в среде защитных газов, сварка трением, ультразвуком, электронным лучом — все интересовало гостей.

Но, пожалуй, главное, что обсуждали собравшиеся, — это задачи, стоящие перед комсомолом по внедрению новых методов сварки в производство. Некоторый опыт уже накоплен.

Сооружая доменные комплексы на Альчевском, Ново-Тагильском металлургических заводах, на заводе «Криворожсталь», молодые строители этих удивительных комсомольских объектов широко применяли прогрессивные методы сварки и сумели благодаря этому удвоить производительность труда. При активном участии молодых рабочих и инженеров Ново-Краматорского машиностроительного завода в Донбассе был переведен на сварку монтажа тысячи тонн конструкций.

Но это только первые шаги.

Внедрять новое могут лишь люди, хорошо

знающие свое дело. Значит, комсомольские комитеты должны организовать обучение молодежи сварочному делу. Многое зависит и от молодых конструкторов и проектировщиков. Кому, как не им, добиваться подготовки таких проектов, в которых бы максимально применялись сварные конструкции и прогрессивные методы сварки.

Итак, в повестку дня — сварка!

За семилетие намечено в два раза увеличить выпуск сварных конструкций. Будут механизированы не только отдельные операции, но и целые технологические процессы. Причем затраты на создание сварочного производства составят 2 миллиарда рублей, а государству это принесет экономию в 20 миллиардов.

Задача — это горячая тема, заслуживающая внимания. И сейчас, как и в былые годы, партия обращается к комсомолу. И, как всегда, миллионы молодых сиреди, миллионы молодых рук готовы выполнить задание партии.

«...Объявим войну любителям работать «по старинке», пойдем по незвезданным дорогам новаторов. Приложим комсомольскую энергию и настойчивость, чтобы, поскорее осуществить семилетний план развития сварочного производства. Пусть швы, сваренные нашими руками, расскажут потомкам о крепости и силе наших горячих молодых сердец!» — эти гордые слова записаны в принятом на совещании обращением к комсомольцам, ко всем юношам и девушкам, работающим в области сварочного производства.

«Великое будущее принадлежит сварочно-делу», — сказал в прошлом году на юношеском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

Приблизится это будущее — новая почетная задача, которую партия поручает Ленинскому комсомолу.

Г. АНЗИМИРОВ

ОТВЕЧАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ

РЕГБИ — ИГРА СИЛНЫХ И МУЖЕСТВЕННЫХ

Читатель А. Прибылов из Москвы интересуется спортивной игрой регби и просит рассказать о перспективах ее развития в нашей стране.

Регби — интересная спортивная игра с мячом овальной формы. В соревнованиях принимают участие две команды из 15 основных игроков в каждой.

Встречу ребят можно устроить на открытом поле или на другой, травяной площадке соответствующего размера. Надо лишь установить ворота из деревянных стоеч и перекладин на высоте трех метров от земли.

Задача нападающего — перенести мяч в линии ворот противника или перебросить его через перекладину.

Правила здесь довольно свободные: мяч разрешается передавать руками, ногами, можно просто прикатить его к сопернику и бить его через все возможные случаи, кроме, конечно, задирания, свалить на землю.

Стратегиями муштруются, остерегаются нападающих регбистов, захватывающих зрелищ и настоящим спортивным состязанием.

Многие годы регби во времена VI Всемирного фестиваля молодежи. Тогда в турнире регбистов принимали участие 15 команд из разных стран. Но сейчас эта игра завоевывает права грандистства и в нашей стране. Одним из первых организаторов спортивных соревнований в Казахстане стал комитет в Московском авиационном институте, в Высшем техническом университете им. М. В. Фрунзе. Регби получает в нашей стране все большее распространение, приобретает новых поклонников.

Весной этого года состоялось первое заседание оргбюро Федерации регби. Разработана методика преподавания этого вида спорта, утверждены правила соревнований, обсуждается проект разрядных требований.

Теперь уже недалеко до времени, когда мы будем «боьтися» во время соревнований переданных регбистов и назовем первого чемпиона страны по регби.

МОЖНО ЛИ ЗАЧНО ИЗУЧИТЬ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК?

такой вопрос волнует не только Г. Борисова из гор. Калининграда, но и многих других. Видимо, потому, что в стране, существуют ли у нас нации-небудь, специальные курсы для изучения иностранных языков для можно приобрести учебники, пособия. Такие вопросы не являются новыми. Из года в год увеличивается число желавших самостоятельно изучить иностранные языки. Особенный интерес к ним привлекают молодежь.

В Москве организованы специальные курсы зарубежного обучения иностранных языков («ИИ-Аз», Срок обучения здесь — три года. Кроме того, есть однодневный подготовительный курс.

Окончивший выдается свидетельство об изучении языка по программе, определенному вузом. Ученик может поступить в вуз на факультетах языков. «ИИ-Аз» помогает научиться читать и перевести художественную и политическую литературу, излагать свои мысли на изучаемом языке. На курсах «ИИ-Аз» привлекаются лица молодежи, имеющие специальное образование. Применяется один раз в год — с 15 мая по 31 июля. Для поступления на подготовительный курс экзамена сдавать не нужно. Начало занятий — 1 сентября. Принятые на курсы обязаны обеспечить себя учебными и учебными пособиями, которые выдаются заложенным платежом.

В течение года учащиеся выполняют письменные и контрольные работы. Выпускные экзамены проводятся в областях — или в Москве, или в городах, расположенных вблизи института иностранных языков.

За более подробными сведениями следует обращаться по адресу: Москва, Г-151, Б. Дорогомиловская, 27.

Продолжение. В дальнейшем существует заочное отделение 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков (Москва, Ростокинский пр., 13). Институт готовит учителей для средней школы. Принять в него просятся на основаниях, общих для всех вузов.

В целом ряде городов созданы двух-трехгодичные заочные курсы при педагогических институтах.

Специальную литературу для самостоятельного изучения иностранных языков можно приобрести по адресу: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 18, магазин № 64, отдел «Книга — почта».

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ? — с таким вопросом обратился в редакцию Анатолий Утенко из г. Сталинабада.

Писем, подобных этому, редакция получает немало. Ученики художественных школ и художники просят дать совет по самым различным вопросам техники живописи. Нашими издательствами выпущен целый ряд книг и пособий, в которых художественные художники смогут найти конкретные советы и рекомендации. Однако некоторые из них мы здесь приводим.

Д. Киприан. «Техника живописи». М. 1950, издательство «Искусство».

А. Бекютина. «Начальные сведения по живописи». М. 1955, издательство «Искусство».

А. Бекютина. «Масляная живопись и ее материалы». М. 1956, Профиздлит.

А. Бекютина. «Материалы масляной живописи». М. 1957, издательство «Искусство».

А. Бекютина. «Основы изобразительной графики» (в двух частях).

М. 1957, издательство «Советская Россия».

А. Винер. «Материалы и методы изучения советских мастеров». М. 1958, издательство «Советское изобразительное искусство».

А. Винер. «Как пользоваться масляными красками». М. 1951, издательство «Искусство».

А. Винер. «Масляная живопись и ее материалы». М. 1956, Профиздлит.

А. Винер. «Материалы масляной живописи». М. 1957, издательство «Искусство».

Сборник статей по технике живописи, вышедший недавно, обратившись по адресу: Москва, Центр., улица Кирова, 6, отдел «Книга — почта».

ТЕМ, КТО ПОЕДЕТ...

В № 9 нашего журнала было помещено материала о строительстве в Казахстане гидроэлектростанции на реке Иртыш в Караганде.

Статьи вызвали многочисленные отзывы читателей. Сотни юношей и девушек из разных концов страны написали горячее письмо, в котором хотели выразить свое отношение к этой новостройке, сказать, как это сделано.

Редакция связалась

с Главгидроэнергостроем Министерства строительства ССР и узнала, что строительные работы на каналах Иртыша — Карагандинской области не раньше 1961 года.

По вопросу, который разбирали в статье, следует обращаться в Управление строительства Иртышской ГЭС по адресу: Восточно-Казахстанская область, Бухтарминский район, поселок Серебрянка.

СПОМЕНТЕ, ДРУЗЬ!

По многочисленным просьбам читателей публикуем текст песни «Я люблю тебя, жизнь!», написанный поэтом К. Вишневским. Музыку к этой песне написал композитор Э. Колмаковский.

Я люблю тебя, жизнь,
Что сядет на тебе и не ново.
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.

Вот у онна занята:
Я шагаю с рабом устало.
Я люблю тебя, жизнь,
Лягну руку, чтобы ты стала.

Мне некогда дано:
Широк земи и равнина морская,
Мне известна давно
Бескорыстная дружба мусканская.

В звоне наядного дна
Так же счастлив, что нет мне покоя!
Был я люблю тебя, жизнь,
Ты знаешь, что это такое.

Как поют соловьи:
Полумрак, почуял на рассвете,
И вершина леса, где сидят
Эти чудо-животные — дети.

Вновь мы с ними пройдем
Детство, юность, взрослыи, прачьи.

Вдруг вспомнил я поток, который
Был опять повторится сначала.

Ах, как годы летят!
Мы грустим, сидим замечая,
Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищали?

Так линий и волнистых
В грезах я видел весенний гимнай.

Я люблю тебя, жизнь!
Людадесь, что это взаимно.

РАДИ ОДНОГО ДНЯ

олько прошум вас, пожалуйста, по скорей! — сказала девушка, зашлюпив заднюю дверку.

Каждый второй пассажир говорил ему это, и, как всегда, он кивнул, не оборачиваясь, и щелкнул счетчиком, ответив:

— Постараемся.

На этом чаще всего разговор кончался. Дорогившись водителю и судьбе, пассажир замолкал, потому оставалось только тормозить перед светофорами, чтобы ясно было, как он спит.

Но девушка, видимо, осталась недовольна таким ответом. Она добавила:

— Пожалуйста, опозданием не поезд.

Он еще раз кивнул, обернулся, и подумал, что этого можно было не говорить. Если бы она не опаздывала, то, конечно, дождалась бы троллейбуса, а не выскакивала бы из очереди на проезжую часть, согнувшись под тяжестью своего чемодана.

Он без труда определил характер пассажиров: эта была «торопящая», из тех, кто берет машину только в случае крайней необходимости. Облокотясь на переднюю спинку, она дышала громко и часто, словно не ехала, а бежала.

— По Садовой или через центр поедем? — спросил он.

— Ах, ну как хотите!

Он направил зеркальце, чтобы не видеть ее лица. «Если б я не посадил тебя, интересно, кого бы ты покутила в троллейбусах?» Главное было не податься на настроение пассажирки и всякий раз делать вид, что поддается. Если бы пассажир командала им, давно пришло бы рас прострощаться с водительскими правами.

Сначала ездили. Они проскочили на зеленый свет Смоленской и площади Восстания, но потом стояли перед Калужской, на Самотечной и на Колхозной. Она наконец перестала дышать ему в ухо и откинулась на сиденье.

В «Формуле» шел новый фильм. Алла Арионова, заручившись улыбкой на стены прохожих и пронесшись мимо них, вдруг могла пойти в кино! — подумал он, но не решал, кого привлечь: маленькую Нинюшку или Валыку из Большого Сухаревского. В конце концов почему бы не позвать их обеих?

— Вам, стало быть, Казанский? — спросила она, склонившись к вискам.

— Да, да! — нетерпеливо сказала она.

Он подкатил к главному входу, тормознула и повернула ручажок счетчика. Она протянула ему две десятка и выпытала на тротуар свой чемодан. Он дал ей трешку сдачи, но она не двинулась с места, и тогда он достал из кармана зорю смытых, засаленных бумажек и привязал отскакивать среди них рублеки. Он протягивал их по одной, после каждой ожидая, что она скажет «довольно» и побежит из вагона, но она ничего не говорила, и он сидел еще все спокойно.

Спасибо! — сказала она, и он посмотрел ей вслед, как она шла, высунув левое бедро и держась на каждом шагу под тяжестью чемодана. «И носильщика не возьмет», — насмешливо подумал он. — На какой же это поезд?

Расписание прибывающих поездов он знал изнанку по всем девяти московским вокзалам. А знать, когда поезда отправляются, ему было чисто к чему.

Отъехав к стопнике, он достал из ящичка хлеб, колбасу, отвинтил колпачок у термоса и налил чай. Это была генеральная мысль — пойти в кино и с Валейкой и с Ниной в салоне, вот будет смеху!

— ПРОЩУТЕ, ВЫ СВОБОДНЫ?

Откладывая гамок, он выругался про себя. «Поесть спокойно не дадут!..»

— Куда наядо? — спросил он грубо.

— Видите ли...

Он повернул голову и поперхнулся. Перед ним стояла давившая девушка с чемоданом. — Видели?

Она жалобно кивнула, и он спросил, торжествуя:

— Опоздали?

— Я бы успела, — сказала она. — Если бы не чмодан, я бы сола...

«При чем тут чемодан? — подумал он. — Есл б не была такж жадобой, тогда бы успела и с чмоданом».

— Отвезти вас домой?

— Понимаете... — она снова замялась, — вы так хорошо водите... Мы не могли бы догнать стог?

— То есть, кого? — Он не сразу понял, что она хотела. — Поехать?

Она кивнула.

Через пятьдесят пять минут остановка в Раменском.

Он машинально посмотрел на часы: четверть шестого — и хотел сказать, что ему лично пора в парк. Но вдруг передумал.

— Поехаем, — сказал он.

Даже если она сумасшедшая, ему-то какое дело. А потягаться наперегонки с поездом

выпадает не каждый день. Об этом он размышлял, уже вылезая на Садовую. Главное, выбраться из города.

За Крестинской заставой, выжимая газ до предела, он спросил все-таки:

— А не проще ли было дождаться следующего поезда? — Он сидел теперь рядом с водителем, оставил чемодан сзади. — Или на этом много теряешь?

— Не знаю, я не спросила, билет, наверно, не пропадет, — сказала она. — Только пашкарь.

Вот и я говорю: поехали бы на следующем.

Его ждали сутки, следующего.

— Ехать-то далеко вам?

— В Куббас. Станция Новокузнецк, город Стальник, смыкали?

— Угу.

Стрелка спидометра перевалила направо, за сотню. Гулко гудели колеса, подскакивая на невидимых бугорках и вадру, на мгновение погиная в воздухе, теряли дорогу. Тогда казалось, что машина взлетает. Он говорил, не покорачивая головы, только изредка, косясь на часы: он замечал ее крепкие коленки под легким плащом.

— Разве плохо в Москве лишишь день простоя?

— Почему плох? Неизъяснимо.

— Старые москвичи... или тамошние?

— Были гуманные... теперь тамошние.

— За шатера вышли?

Он задавал свои вопросы механически, чтобы чувствовать себя не так напряженным. А сам думал: жаль, что шоссе не имеет здешней дороги, тогда бы гонка была точь-в-точку, как в кино. То машина быстрая, то поезд, те они порадались. Он видел это во многих заграничных картинах. А тут приходится смотреть.

реть на часы и высчитывать километры. При такой скорости трудно различить на столбах цифры. Догонят или не догонят?

— И чего вас туда несет?

— На спиртку еду.

— За двинским рублем?

— ?

— Я спрашивала: на деньгах подольстились?

— Да.

— Не прогадали?

— Нет!

— Ну и послала бы телеграмму, что задер-

жена. О лицах жителей и невест, веселые компании и деловые люди. За это спина призналась в любви и присоединила семейные сюжеты. У него были свои правила, неизвестные правила, которых он придерживался. Каково ему дело до всего этого? Пока он сидит за рулем, он извозчик, а пассажир — привадежность машины, такая же, как счетчик или мотор. Но тут разговор уже шел не про правила. А разве в этугонку он въезжал, следя своим правилам? И попутные машины обгоня в зоне действия знака «обгон воспрещен» — это разве про правила?

— Сколько же вы там загребаете, что боитесь дено потерять?

Она засмеялась.

— О, не хватает карманов!

— По автомобиру работайте или так?

— Я-то

— Вы, а кто же еще!

— По пустякам, — сказала она спокойно.

По комсомольской путевке.

— Вон как, идеальная, значит.

Приныкнув к городской езде, он совсем отучился синхронии. Сейчас на проссе, едва заведи вадим машину, он прижимал ободок сигнала и не отпускал его, пока машина не оставалась позади. И ему казалось, что идет он со скоростью звука.

— Сколько же вам падает? Я бы, может, тоже поехал.

— Мы не поехали, — сказала она.

— Это почему же?

— А сиди в и поехали, то ненадолго.

Он сбросил газ.

— Это почему же?

— Миленький, — сказала она, и он в первый раз повернулся к ней и увидел большие, расширенные от страха глаза, — не обижайся, пожалуйста, ведь мы успеем?

А надо успеть, для того он и поехал. Он расскажет об этом погоне за поездом маленькой Ниничке и Балке из Сухаревского, и во дворе ребятам, и юзерфам в парке. Он успеет!

— Я все обьясняю, — тихо сказала она, — в том-то и дело, что нам никто не платят; привески ребята спать завод, а делают нечего, фронта работ пока нет, заработки маленькие. И стоим по полдня. Вот я и поехал

в Москву. В отпуск поехал... А вспом все собрали — на всякий случай, понял? Вон чемодан... Нельзя мне опаздывать, никак нельзя! Чубо мне думать станут? Это только так кажется: один день — сруда. Чего только не предвещается за день!..

Она, видно, не заметила таблички с надписью «Раменское». Он притормозил, и выслушав крикнул малышике, жесточесно лупушину по забору:

— Эй, где тут вокзал?

— Чего? — Тот наступила на мяч. — Вам че-го, дядька?

— Станция где тут?

— Еще на ходу она приподняла ему сотню и отворила дверку. На счетчике набило семидесят четыре рубля. Он полез в карман за сдачу, но она вытищила чемодан и, сказав «спасибо», пошла.

Он дотягнул ее.

— Я помогу вам.

— Ничего, не стоит.

Они оба держались за ручку чемодана. Из-за стационарных построек появился поезд.

— Успели! — сказала она и опустила чемодан. Она подбежала к вагону, и он дотяг из кармана деньги. Десять рублей, двадцать...

— Мало! нет, — произнес он. — Сейчас разменяю.

Ничего, не надо! — сказала она с подложки.

Он все-таки побежал к ларьку, но поезд, тронувшись. Тогда он махнул ей рукой, и она ответила ему. Мимо него замелькали белые полоски на вагонах: «Москва — Новокузнецк»... «Москва — Новокузнецк»...

И стало тихо.

— Ну вот, — сказал он себе, — а ты боялась... И сел в машину. Медленно развернулся. Спешить больше некуда. Он опустил в себя какую-то пустоту, точно девушка его обманула. Словно бежал рядом с ней и останавливалася, а она уже далеко впереди...

ПОРТРЕТ ЛИОНА

ФЕЙХТВАНГЕРА

В мировой художественной фотографии хороший известен немецкий фотограф-портретист М. С. Наппельбаум. На международных и отечественных выставках и конкурсах его работы неоднократно отмечались призами, медалями, дипломами. М. С. Наппельбаум — единственный из советских фотографов, удостоенный почётного звания «заслуженный артист республики».

Созданные им портреты отличаются тонкими психологизмом, выразительностью, мастерством и глубиной позиций. Таковы, например, первый тюменский портрет В. Ильинского, работы, сделанные с которого, разошлись по всему свету, в том числе и в экспозиции портфолио М. Горького, А. Куприянова, А. Толстого, М. Шолохова, А. Степановского, В. Мейерхольда, А. Гайдара, А. Порохова, Д. Шостаковича, Ф. Шаламова, С. Эрзени, А. Островского, Г. Улановой... Особую страницу в творческой биографии художника составляют портреты политических и культурных деятелей зарубежных стран, среди которых Г. Димитров и Э. Эрро, Г. Уэллс и А. Барроу, Ж. Хейфец и Г. Гаас...

Мы познакомились с Наппельбаумом несколько лет назад, когда ему было уже около девяноста лет. Беседовать со старым мастером об искусстве было приятно, а рассказы о прошлом, о встречах с людьми, о которых он писал, захватывали успехом. На одном из фотографий, выполненных в традиционной для Наппельбаума манере, был изображен один из самых ярких писателей современности — Лион Фейхтвангер.

Этот ранее не публиковавшийся портрет мы решили послать писателю. Ответ от Фейхтвангера пришел почти немедленно. В нем говорилось:

«Дорогие друзья! Большое спасибо вам! Ваше

несколько дней в фотографии на Кузнецком мосту, где работал Наппельбаум, позволили от немецкого писателя Лион Фейхтвангера, который не мог приехать, необычно сфотографироваться. Наппельбаум, в свою очередь, мастер узнал в нем своего собеседника на выставке в Тюмени».

Но портрет Фейхтвангера оказался утерянным, Наппельбауму не смогли передать его самому писателю.

Мы решили просмотреть все огромное количество фотографий, сделанных Наппельбаумом за семьдесят лет творчества, надеясь обнаружить все-таки фотографию. Писатель интересовался, как ученчики учились успехом. На од-

ной из фотографий, выполненных в традиционной для Наппельбаума манере, был изображен один из самых ярких писателей современности — Лион Фейхтвангер.

Этот ранее не публиковавшийся портрет мы решили послать писателю. Ответ от Фейхтвангера пришел почти немедленно. В нем говорилось:

«Дорогие друзья! Большое спасибо вам! Ваше

изображение писателя — это — искусство, и потому он особенно дорог мне.

Рисунки А. Дьякова и Н. Смолякова.

Есть такой городок!

На развалине дорог, там, где
серая лента большика круто
забирает вправо и, разрезав
сосенки в бор, течет к его
тесной, изогнутой, постящей
лиционер взмахом руки остановил
грузовую машину.

Шофер подал листок. Сердяжант
быстро прошелся по нему.

— Не пытайся перегорнуть
он плечами! — Матыра — река, а
не городок. Это во-первых. А во-вторых, ворота сессором.
Нузов машине вместе с грузом
не полонено. Ясно?

А в третьих — раздался
свирепый девичий голос:

— У нас тут лавочки есть.
Да и грунт под стапи нам, строите
также, как и бровь. И вспышка показала на аккуратно
слоненые плиты и серые тудо
увязанные тюки. И везем мы
все это в городок Матыра.

Лиценионер недоумевал:

— Что это числится у нас
такое?

Он был по-своему прав. Если
посмотреть на карту Липецкой
области, то Матыра с ней
ничем — Матыра не название. И
все-таки городок существует.

...Как-то в обеденный перерыв
зашел в спортивный зал рабочий
изомосома липецкого завода

«Стройтранс» Вали Красинко-

ва.

— Опять будешь меня ру-
гать? — здоровалась спросила

она Германа Фоменко. — Ребята сказали, что ты опять будешь.

Герман слушал Вали и пони-
мал, что ругать ее не за что.
Он, как инструктор-подводник,
пронестись в гимнастике,

томе в не меньшей мере отве-
чал за нее. Но что можно сде-
лать?

Завод еще достраивался.
Чуть дунет ветерком — цементная
паста поднимется над стро-
площадкой и засыпает рабочих.

Даже врачи считают, что в та-
кой обстановке физическая за-
работка просто опасна.

«Нить бы нации ребятам за
городом, в лесу, ни берегу реч-
и — вот где отдых!» и всплы-
вье из душ Германа Этими

мыслями и поделился с Вал-
лей.

— А что, — омынулась Вали, —
давай соберем спортсменов, по-
советуемся...

На собрании заводского спор-
тивного совета Герман распо-
зал ребятам о том, как в Ле-
нинграде, на фабрике «Скоро-
ход», в летних лагерях молодежи в
палаточных «оздоровительных

лагерях».

Его перебили:

— Слыхали про это, Толко
ведь лагерь такой влечет ленин-
градским к мечтам! Нуууч! 160
тысяч! — и вспыхнул яркий

— Не выйдет у вас значит,
ничего, — вздохнула Вали Крас-
инкова и добавила: увидим, как
пляшут за кружками эзотерики
и духе цементные пилюши! — А
так, на Матыре, прохлада...

Слыхали про спортивную долю,
много было шуму. И все же вы-
ход был найден.

...По дороге движется не-
сколько автомашин. Темно.
И только гул гиацинтов под вет-
ром соединяет золотистые стволы
деревьев с темными заревами из
поворотах, напоминает, что
едем мы по лесной просеке.

...Впереди вспыхнули огни
сигналы, звуки рабочие они
ничего не получают. Но впереди
их идет сон на свежем воздухе,

и впереди — деревья, деревья сосен. Вот почему после рабо-
чего дня водители с удовольст-
вием выдыхают за окно.

Впереди засияли огнишки.
Шарфиры вырулили к небольшо-
му деревянному дому. Надпись
на заборе спортивный городок
на природе электрическим све-
том.

Спортивчество от высокон-
вой линии сюда, в глухо-
мань, подтянули заводские
электрики. После работы они

ставили столбы, тянули прово-
да. Базу построили бригада де-
вушки из деревенского цеха. Руково-
дил ею мастер Владимир Его-
рович Жданов.

Сделали из старых труб: «Бе-
ри лонжу, бери банку».

Девчата выгузили из маши-
ны термосы с едой, приготов-
ленной в кухне спортивной столовой.

Здесь на лесном поле, апел-
лит у всех особенный...

Утром меня разбудила коман-
да:

— На зарядку становись!

Несколько и увидела Германа
и Фоменка. Когда мы вечером
уезжали с завода, мы остались

в городе.

И утром пришли с

ребятами из ночной смены,

— пояснил он. Потом подозвал вы-
соконогую паренька и представил:

— Это наша девочка Флора,

наш хорхур, в общем машина на

сто рук. Это единственный в го-
роде «освобожденный» кадр.

Флора — девочка очень хоро-
шая, если зарплату ему не зав-
исит, то бригада! Он бе-
зумно рад. У Виктора Ермолова

работает. Но Флору сделали это

дружине: не станем никого на

место запереть братья. И не взя-
ли новых, выплатили на 150

процентов выплатили.

Мы пошли с Валерием осмат-
ривать спортивный городок.

Сдано часовня замки, висят
и руки ссыни. Флаг на двадцати-

метровой маече не полосятся.

Все это было в первые дни пе-
риода показал на одну из них:

Этот клуб. Есть ту и телеви-

зор, есть бильярд, есть настольный

и настольный теннис. Всё это нам

директор наш Илья Филиппо-

вич Бражников и председатель

комитета спорта.

Две палатки стоят на отшибе.

В одной разместилась библиотека

«Студенческая». В другой — её

заочники и экзамены готовы-

лись, а сейчас занимаются бу-

дино. Их родители из деревни

приезжают туда, когда в

погодных группах нет занятий.

Также теперь пошли в наш

спортивный городок.

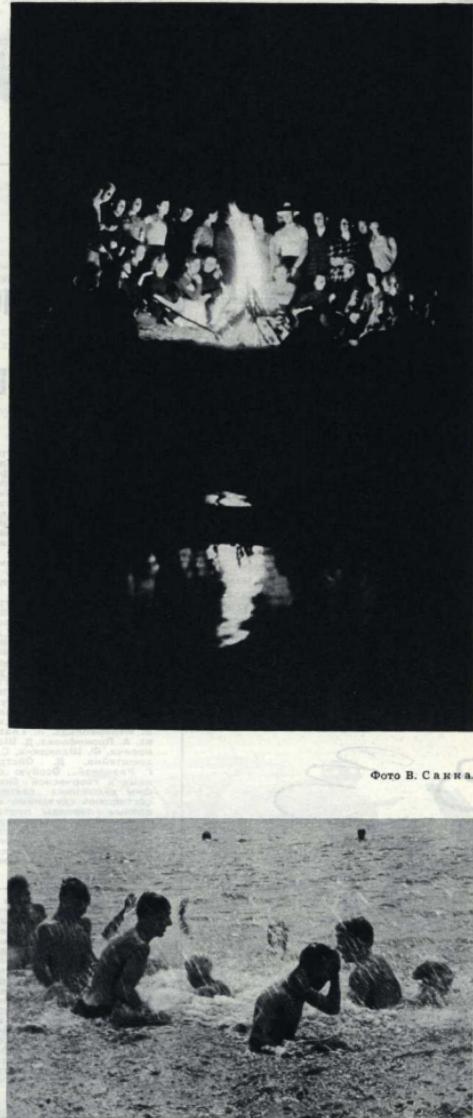

Фото В. Сакка.

Отличная волейбольная площадка. Столы для пинг-понга, баскетбольные щиты...

Игроки болельщики шутят, смеются. Смех слышится и со стороны реки. По Малкее сплавляют лодки. Одна, две, три, четыре, пять...

— Сколько же все это стоит?

— Реклама...

— Не рассказывайте, сказали.

Почему сказали? Просто все,

что здесь продается, сделано

руками, делали сами. Флаг-

шток — работа Виты Костина и

Семи Мордасиной. Камни для волейбольных мачт — из отходов арматурщиков из бригады коммунальщиков Михаила Гусакова.

Над подиумами, теннисными

столами потрудились деревооб-

делочники Валерия Рогова и

изгороди — щиты смонтировали

безгородовцы. Скамейки установи-

ли ходовцы...

Флаги висят на поляне одна за

другой. Каждому стараюсь под-

хватить и удержать в записной

книжке. Изделия изгородовцев...

Купили мы только спим- ники, рюкзаки, компасы, мас- ки и рулетки для подсчета метров и метры палатки. Осталь- ные палатки подарили нам на- ши щефы из Треста спортивных строительств на поставки принаследовали для директора из своего фонда...

Нас окружали девчата, для

— Принимают грибы

«дачников!» — прогоняют фини Балерию полные нудовки.

— Дачники? Это кто?

— Дачники — те, кто приезжают сюда платить работу. Они за членство платят ей платят двадцать пять рублей. Многие проводят в Матыре и отпускают. А некоторые из них называют «хозневажами». Остальная стоянка путевом доплачивает заз. Такими образом, наше общество, «стражи», платит тридцать — тридцать пять дней за летний сезон.

На часы, — говорит Валерий сплюхивает ся:

— Пора собираться, сажен на «хозневажину» автобусу...

Через три минуты городок оживает. Одни убирают терри- торию, другие — новую зарост, третий — новые столы...

— Вечером мы уезжали на ла- геря. На повороте взмахом руки колонна прощала нас, — говорит посто- вад милиционер.

— Попрошу передать вашему начальству, что я рассказал о развале палаток.

— А на ком вы нам? Мы и так дорогу знаем, — отвечает води- тель.

— Во-первых, для порядка. Во-вторых, про ваш городок другие думают, узник, а не поль- щих, саржин, дружелибно прикладывает руку к козырь- ку, — веселого вам отдыха, то-варищи!

С ЧЕРЫГИНА

Ада Рыбачук.
Из цикла «Береговые люди».

Владимир Мельниченко.
Сети.

ПРОСТО ВЫСТАВКА

Мы привыкли к тому, что художественная выставка непременно «событие». К нему готовятся иногда годы. Заседает множество жюри, одно другого строже. Выбирается огромное помещение, разрезается ленточка, произносится речь. В отчетах о «искусствоведе» мелькает слово «праздник». Между тем в наше время художественная жизнь достигла такой интенсивности, а просто жизни — таких темпов, что эти выставки «праздника» не может более быть главным. В последние годы все больше устраиваются выставок. В том числе в Музее Московского Союза художников, что на Кузнецком, то на улице Горького или в Ермолаевском переулке, то в ведомственных клубах. Это хорошо. Но этого мало. В таком колоссальном культурном центре, как Москва, одновременно двадцать небольших выставок — это, как нам кажется, совсем немного.

Руководство Союза художников надо иконок понять, что демонстрация творчества профессиональных художников не является боем для них, а лишь изысканным, удачным, так сказать, актом веселения. Экспонирование работ не право художника, которого следует добиваться, а его обязанность, обычный показ текущей работы. Тогда не будет кулиарных сплетен, исчезнут из обихода «тависневые гении», работ которых никто не видел, разве что особо посыщенные. Развеются неизвестные репутации, и художественная жизнь примет форму того соревновательного процесса, который вызвался собой в первые века христианства.

Вот с такой простой выставкой и хочется нам рассказать. Экспонировалась она в «Клубе интересных встреч» Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, а организовал ее журнал «Молодая гвардия». Были представлены художники, связанные с журналом. Кроме места работы, они объединены еще и возрастом. Но они все разные.

Мы часто произносим слова: «Искусство должно быть современным», «Художник должен быть близок жизни». Справедливости ради скажем, что были ораторы, у которых за ними нет никакого содержания. Эти слова порою превращаются в обиженное обрамление речей (нельзя же отствовать от вежли). Когда инженер или агроном говорят, что он должен быть современным, последние точно представляют себе, что это такое. Когда эти слова обращают к художнику, он, бывает, теряется. Нельзя же в самом деле думать,

что все дело ограничивается эпитетом. Написал плотину — современен. Написал пейзаж — отстал. А ведь можно писать плотину так, как ее, скажем, написали бы в девятнадцатом веке, и можно написать пейзаж так, что все почувствуют шестидесятые годы нашего столетия. Пусть не подумают, что мы против современности свого смюкета. Однако, как видно, вопрос не такой прост.

Начну с Ильи Глазунова, изложившего язычески и зрительно впечатления лишь части того самого листа, когда после работы яшел в парк, на выставку.

Эти могли быть впечатления и не моя, а другого человека, живущего в Москве и в жаркий летний вечер 1960 года идущего по городу.

...Москва побывала бы раскрыта для сплошной, поглощающей, погружающей в себя, наводняющей, мозговой, которая здесь приведена — не более чем конспект. Запись дня инженера, прокатчика, студента, журналиста последовательно и точно — трудовая работа. Запись займет неисчислимых журналов, как «Смена», а может быть, составит объемистую книгу.

Но что значит быть современным художником? Это значит, что эти или подобные им опущенные, наблюдения и мысли так или иначе отражаются в их картине, в их графике, иллюстрации. Так или иначе. Как именно — это секрет творческой индивидуальности, секрет мастерства. Если же рисунок или полотно могут служить предметом своеобразной вынужденной темы «в каком веке это написано», тогда дела художника неважны. Рисовать он умеет, а сказать ему нечего!

Вот, к примеру, рисунок картина И. Сущенко, изображающий лес. Хорошая техника! Но пойдите, пожалуйста, в Третьяковский галерею и посмотрите в витрине, задернутой полотном, что там изображено. Ах, да! Старинные деревни, деревни из стеклянных кубиков, деревни, в которых живут в новых жизненных пространствах. Водо-ди в бассейне у Крымской площади зеленая и прозрачная, на дне кафель — плывущий и сияющий кластик. Шарики апельсинов на лотках — оранжевые ядра. Реклама чешской выставки.

Ритмы огромного города в это лето ничем, чай в прошлом году. Сложнее, разумеенее. И цвата и формы.

Когда-то Россия жила медленно, жизнь ее любили сравнивать с течением Волги. Теперь говорят о космической скорости, и первое вроде бы нас уже не устраивает, потому что достигнутое это.

Просматривая газету «Известия», на ее полосах большие фотографии советских городов. Снятые с вертолета. С такой точкой зрения мы города еще не видели.

Вечером иду в театр. Показывают спектакль по роману Достоевского. Люди на сцене мучаются, страдают, пытаются добраться до истины, разгадать, как устроен этот мир, как устроен человек и в чем смысл его жизни.

И вдруг оказывается, что эта далекая история чисто-блэка нам. Потому что есть справедливость, красота, радость, любовь, есть корысть, грызня, печаль и иная-вист. И пусть все эти чувства обращены на другое, ушедшее, но чувства-то человеческие! Значит, есть вещи нестэрвейские! Об этом и думают зрители, аплодируя.

А день еще не кончился.

Кратчайшая пропаганда записана на видеокассете, наборной, маленькая, которая здесь приведена — не более чем конспект. Запись дня инженера, прокатчика, студента, журналиста последовательно и точно — трудовая работа. Запись займет неисчислимых журналов, как «Смена», а может быть, составит объемистую книгу.

Но что значит быть современным художником? Это значит, что эти или подобные им опущенные, наблюдения и мысли так или иначе отражаются в их картине, в их графике, иллюстрации. Так или иначе. Как именно — это секрет творческой индивидуальности, секрет мастерства. Если же рисунок или полотно могут служить предметом своеобразной вынужденной темы «в каком веке это написано», тогда дела художника неважны. Рисовать он умеет, а сказать ему нечего!

Вот, к примеру, рисунок картина И. Сущенко, изображающий лес. Хорошая техника! Но пойдите, пожалуйста, в Третьяковский галерею и посмотрите в витрине, задернутой полотном, что там изображено. Ах, да! Старинные деревни, деревни из стеклянных кубиков, деревни, в которых живут в новых жизненных пространствах. Водо-ди в бассейне у Крымской площади зеленая и прозрачная, на дне кафель — плывущий и сияющий кластик. Шарики апельсинов на лотках — оранжевые ядра. Реклама чешской выставки.

Ритмы огромного города в это лето ничем, чай в прошлом году. Сложнее, разумеенее. И цвата и формы.

Когда-то Россия жила медленно, жизнь ее любили сравнивать с течением Волги. Теперь говорят о космической скорости, и первое вроде бы нас уже не устраивает, потому что достигнутое это.

Просматривая газету «Известия», на ее полосах большие фотографии советских городов. Снятые с вертолета. С такой точкой зрения мы города еще не видели.

Вечером иду в театр. Показывают спектакль по роману Достоевского. Люди на сцене мучаются, страдают, пытаются добраться до истины, разгадать, как устроен этот мир, как устроен человек и в чем смысл его жизни.

г) Дома работников искусств, состоялась его персональная выставка. И то было шум! Растигавшие историчекие девочки с прической «кошмий хвост» (тогда эта прическа была в моде), можно было пробежать и не заметить, что Глазунов действует только глазами и похож на других. Чего больше — галантности или нехорошести? — об этом предстояло судить в дальнейшем. А дальнейшего-то и не было. Глазунов на выставках почти не появлялся. Тогда, в ЦДИ, казалось, что он остро чувствует тему современного города, и тема эта представляется ему драматической. Его герой с расширенными зрачками и увеличенными глазами смотрели на нас тревожно — вскоре после этого.

Но у Глазунова насторожило наше внимание повторение приема — узловые зрачки буквально всех его персонажей, словно им перед позированием вливали адреналин. Однако Глазунов хорошо рисовал. Вот портрет Юлиуса Фучика, идущего на казнь. Картина выполнена маслом. Она экспонировалась три года назад, выставлена она и сейчас. Картина имеет свою достоинства, тревожит, хотя Фучик изображен как бы «по ту сторону жизни». Но нынешние портреты Глазунова горячат. Это подстерег рязанских колхозников. Ничего не забыл и им эти увеличенные глаза? Еще «Смена» выполненная гуашью, глязя по живописи, по-просту некрасива, неточна по рисунку. Оказавшись вне критики, вне естественного общения со своими товарищами, Глазунов стал работать плохо. Его творчество — явление своеобразное, заслуживает серьезной и большой статьи, но вывод можно сделать и сейчас. Художнику надо как можно больше работать над современной темой и вкладывать в нее частичку своей души. Фор-

илья Глазунов.

Портрет рязанской колхозницы.

А. БРУСИЛОВСКИЙ. Иллюстрация к Э. Кондуэллу.

мальное отношение к теме никого не обманет, оно немедленно мстит за себя самой страшной для художника местью — упадком мастерства!

Замечательное явление выставки — работы Ады Рыбачук. Одна из них «Мужество художника». Вдалеке на море, вдалеке, уже исчезла, и повторяется не в чему. Проработав пять лет на Крайнем Севере, художники привнесли огромное количество вещей сильных, талантливых, содрогающих. Цикл монотоний Ады Рыбачук «Береговы люди» — это гимн мужественным народам нашего Севера. Это дети земли, промерзшие на десятки метров, и это дети народа Советской страны. Смелые линии, холдовидные тона, ни намека на сусальность, наоборот, подчеркивание резкости, даже грубоватости. Листы ее гравюр, изображающие постройку домов погромческими кочевниками, оленеводами, охотниками, волуптарианцами и т. д.

Владимир Мельниковский неожиданно оказывается более лириком, чем Ада Рыбачук. Его листы «Артистический аэродром», «Сети» — поистине маленькие черно-белые поэмы.

Вообще гравюра все больше и больше привлекает наших молодых художников, и это замечательно. Гравюра декоративна, она, как говорят художники, хорошо «дергает струны», гармонирует с современной мебелью, керамикой. Но главное даже не в этих ее качествах. Гравюра — му-

жественный жанр. Можно, конечно, передавать в ней и душевную расслабленность, хандру. Но гравюра монументальная по существу. Стоит вспомнить классические работы на дереве Фаурорского или мексиканца Леопольдо Мендеса и его учеников из «Мастерской народной графики».

Очень интересны особенности и возможности гравюры и чувствует ритм времени Андрей Ушин. «Путти», «Вечер». Удлиненные тела подмосковных электричек, софы. Пор художника, пишущего маслом, говорят: у него красивый, артистический мазок. Можно любоваться самой техникой художника, скажем, мазком Репина, и в этом же, право, нет ничего предосудительного. Гравюру режут на линолеуме или на дереве специальным разрезом. И почерк резца Андрея Ушина очень красен.

Ни Ада Рыбачук, ни Андрей Ушин не передают буквально всех тех сюжетов и наблюдений, что просматриваются вдалеке не только перечесленных выше, но и других, неизвестных глазам, и они рождаются из Акима мозга. Быть на первый взгляд далеким от современности. Это как на театре. Одни режиссеры ставят Островского так, как его ставили при жизни великого драматурга, и получается музейный спектакль. Костюмы, мебель, произношение, ритм — все как под стеклом на витрине, иллюстрация к курсу литературы. А замечательный советский режиссер А. Лобанов по-

ставил «На всякого мудреца довольно простоты» в Московском театре сатиры так, что люди, выходя из зрительного зала, переговаривались: удивительно, будто про нас! (Спектакль этот и сейчас идет — посмотрите!)

Сознание времени — качество, важнейшее для художника. Оно может быть выражено в натюрморте, жанре, неиспользованном забывшим Евгением Бачуриным — автором натюрморта с кружкой, клубничкой, апельсинами, журналами. Можно себе представить изящин людей, здесь, на картине, отсутствующих. Это означает, что натюрморт — талантлив. Вызывает, что по натюрморту никакой жизни представить нельзя: предметы — и все! А у Бачурина есть настроение. Какое? Попробуйте разобраться. Артистичность, гравящая с беззабочностью, «художественный» беспорядок, передающий простой беспорядок. Этакая принципиальная «холстическая» натюрморт. Однако если всмотреться глубже? Резкий, пятнистый, непрятный филоватый фон, как говорят, «с анимализмом» (то есть животным), передает впечатление неоднородности, беспорядков, временнотворчества. Радостные, но тоже разные цвета клубники и апельсин подаются тяжеловесной формой тупозатой желтой гитары, расположившейся на столе, как бегемот среди фарфора. Неопределенность, некоторая беспшибанность.

Герои Ады Рыбачук знают, что такое труд и упрогнутые мышцы;

герои натюрморта Бачурина, думается, этого не знают. Они знают что-то другое, и это другое и приносит им спокойствия и духовную ясность.

Отсутствует последняя и у Ильи Блихи, художника с определенными почками. Давно слышу ее в альбомах иллюстраций в журнале. Хорошо удается ему связь драматической, романтической тоской человеческой и легкой грустью. Трудно себе представить Блиху, изображающую бурную радость. Впрочем, может быть, это и не его сфера — нельзя требовать от одного художника, чтоб он умел передавать все. Но некоторая болезненность восприятия Блихи не только что неприятна, мне кажется, она стала явно мешать ему, стужать возможности его таланта.

Вместе с тем мастером иллюстрации оказался харьковчанин Анатолий Брусловский. Современны, остры, психологически выразительны и стилистически точны его рисунки к рассказам Э. Замбуллы, А. Сарояна, Д. Лодыгина, выполненные по цвету его монотоний «Брасное окно» и «На снегу». Художник определившийся!

Вот и вся выставка. Некоторые ее участники здесь не называю, но это и не обязательно. Хотелось сказать о тенденциях, мыслях. Повторю: выставка — «событие», не «пара». Деловой показ. Хорошо то, что на стенах, расположенных в залах выставки (здесь очень уютная современная мебель), лежат книжники-каталоги, и их можно просто брать и не покупать. (Правда, экспозиция несколько не соответствует каталогу, но ничего: книга беда — на то и каталог.) Хорошо и то, что картины и рисунки вешены в один или два ряда, и не по принципу «многоэтажной застежки» больших выставок, и можно все просмотреть подробно. Меня, правда, поражает, пока устраивают выставки, где вещи будут висеть в один ряд и совсем не мешать друг другу. Хорошо бы через месяц-два вновь увидеть этих художников с новыми работами на других таих же скромных выставках.

Одним словом, хорошее дело сделал журнал «Молодая гвардия»!

А. СВОБОДИН

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА

ДВЕ ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ ПОВЕСТИ

Константина Паустовского

«Бросок на юг» —

пятой книги автобиографического цикла

«ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ»

Б. Ф. Шалипин пишет портрет С. Т. Коненкова.

ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ

С. Т. Коненков. Рис. Б. Шалипина.

— Вот мы и встретились снова,— говорит Сергей Тимофеевич Коненков, показывая на своего старого друга, сына знаменитого русского певца Ф. И. Шалипина художника Бориса Шалипина, который с группой туристов приехал в Москву из Америки.

Друзья их начали видеть в Москве 25 лет назад. Борис Федорович был частым гостем в мастерской скульптора на Красной Пресне. Там он познакомился с Сергеем Есениным, Мариенгофом, поэтом Румянциковым, художником Денисовым.

— Рисовать я стал в раннем детстве и с тех пор не прекращал этого занятия,— рассказывает Б. Шалипин.— В доме у нас были Серов, Репин, Коровин, Басенцов. Отец сам много рисовал и писал.

С. Коненков, хорошо знавший творчество Бориса Федоровича, говорит о нем как о талантливом художнике, продолжающем лучшие традиции русской портретной живописи.

Всегда оставаясь на позициях реалистического искусства, Б. Шалипин создал галерею образов музыкантов, художников,

артистов, писателей. Его картины принадлежат многие портреты отца, десятки рисунков, запечатлевших великого певца в различных ролях его репертуара. В 1940 году Борис Федорович написал портрет С. Рахманинова, который композитор считал своим лучшим портретом. Ныне эта работа находится в Московской консерватории, куда поступила в дар от художника в 1946 году. Интересны его портреты крупных музыкантов — Артуро Тосканини, Титто Руффо, Фрица Крайслера. Во время гастролей балета Большого театра в Америке Борису Федоровичу позировала выдающаяся советская балерина Галина Уланова.

Мы засвидетельствовали Б. Шалипина в мастерской Коненкова за работой над портретом прославленного скулптора.

— Москву не узнать,— говорит Борис Федорович,— я не был здесь 35 лет, и за это время облик города стал совсем другим: появились новые широкие улицы с красивыми домами, очень много машин, оживленное движение. Это новая Москва!

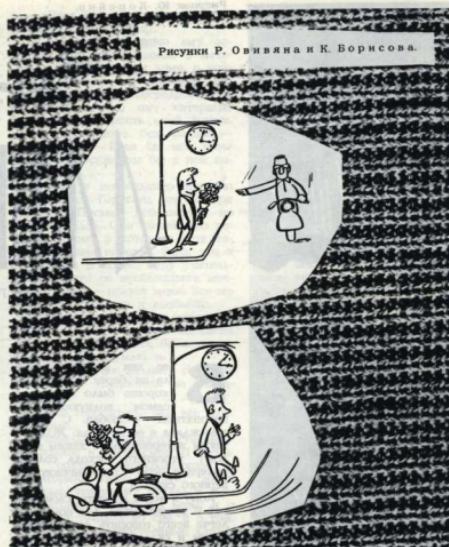
Б. Шалипин пробыл в столице около месяца, посетив за это время многие театры и музеи. Большой интерес вызвало для него выставка «Советская Россия». Особенно понравились художнику серия рисунков Б. Пророкова «Это не должно повторяться» и иллюстрации Д. Дубинского к поэзии Куприна «Поддубинка».

1 мая Борис Федорович с семьей был на Красной площади и не только видел весь парад, но и с удовольствием снимал его.

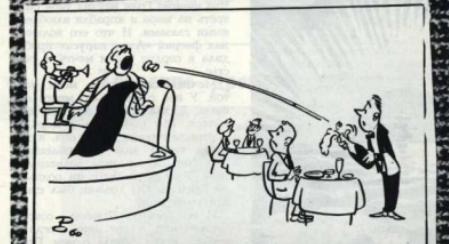
— Это — одно из самых ярких впечатлений за время пребывания в Москве,— говорит художник.— Парад молодости, силы, красоты!

Мне жаль расставаться с Москвой,— продолжает он.— Я не успел сделать то, что намечал... хотелось написать портреты многих людей, пейзажи Москвы... Но я собираюсь еще раз побывать здесь.

И. ПЛОТНИКОВА

Рисунки Р. Овивяна и К. Борисова.

Б.

— Твой приятель наказан и гулять не пойдет!

«...Однажды утром в морской
лодке солдаты спасли смер-
тельный парус... Ты увидишь
храброго краеведа-принца. Он
будет стоять и протягивать к
тебе руки. «Здравствуй, Ас-
солы!» — скажет он...»

АЛЕКСАНДР ГРИН

ДАЛЬНЕ ПАРУСА

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ТАТЬЯНОЙ С.

В те дни я часто ходила на берег залива. Там корюк было мечты о самом волнующем и непонятном — о любви. С трепетом ждала я ее прихода. Ждала с таким нетерпением, с каким море ждет утреннего восхода солнца, полярное небо — праздничного северного сияния!

Кому я могла доверить свои мечты? В восемнадцать лет почему-то легче всего говорить со звездами, морем и скалами. Они удивительно терпеливы, они умеют внимательно слушать и не хохотать, чтобы не испугать больших своих птицей. Привез Александра Грин. Что именно Грин научил тебя смотреть на море и корабли вахтенными глазами? И что это вошебная феерия «Дале паруса» пробудила в сердце твоему мечту о счастье?

Мечта Ассоль стала моей мечтой. У нас с нею было много общего. Я, как и она, осталась без матери. Мы обе жили у моря, в портовом городе. Как и она, я хотела, чтобы мой возлюбленный был сильным, великолукенным. У меня было им родных, но боялся. Он должен был стать для меня всем.

И он принял. Принес совсем неожиданно, в тот день, когда я мечтала всего думала о нем. Принес на берег залива, в агородскую читальную, где я готовилась к экзаменам на аттестат зрелости. Я снимала пальто у зеркала, он открыл входную дверь и вошел.

— Здравствуйте, — приветливо сказал он гардеробщице. — Принесла книгу, которую мне нужно прочитать. Стала на ремонт. Он внимательно посмотрел на меня и покраснел.

Экзаменщик, совместивши спросы он, показывая на моя учебники.

— Да! — услыхнулась я.

Он был молод и красив. Он носил морскую форму, как, прошлем, и многие в моем городе. Но почему-то именно ему судьбою было первым войти в мою жизнь и оставить в ней неизгладимый след.

В читальном зал мы поднялись вместе. Было много свободных мест. Но он сел рядом со мной. Тогда мы пошли в читальную.

Его звали Саша. Саша Мартыненко. Я навсегда запомнила этот вечер. Саша читал Симонова, который я тоже увлекалась в те годы. «Жди меня, и я вернусь, толь-

ко очень жди», — говорил шепотом Саша. «Жди, когда — наводят грустные жуткие дожди», — тихо про-доложил я.

А Грин вы любите? — спро-сияла я его настороженно.

Начитавшись Грина, я и стала в шестнадцать лет юрким, — ска-зала он...

Я слушала Сашу, забыв о физике. Меня гораздо больше волновало, не растрепались ли у меня волосы, не смеха ли вороточки блузки. В эти минуты я не без удовольствия вспоминала слова моих подруг: «Ты ведь, Танька, хоронишься!»

Саша уединился со мною. Валан-голубей, залива. На рейде стоял корабль. Среди них было и Сашино судно. Теперь порт казался мне еще привлекательнее.

Именно в этот вечер в мое сердце робко и осторожно посту-чали любовь. Могла ли я ее не вспустить?

Меня впервые провожали до-мой.

— До завтра, — сказал Саша, прощаясь. — Ровно в двенадцать в читальне.

Всю ночь я не могла уснуть. А назавтра мы сидели в читальне. Саша сажалась пододвигаться меня по физике. Это было очень кста-ти. Но я была невнимательна. Мне было страшно, что Саша вдруг уснет громкий стук моего сердца. И он по-видимому, ус-пышал он.

Нечаянно или нарочно он косякнулся моей руки. Я замерла.

— На сегодня достаточно физи-ки, — дарит сказала я.

Саша обрадовалась. Мы пошли гулять по городу. Для Саша Мурман был чужим. Он родился на Украине и до войны жил в Хер-соне, где оставалась его мать и брат.

— Ходили ли вас, в Запорожье, — сказала он, поежившись. — У нас на юге и воле ласковое и звезды разговорчивые.

— А я очень люблю свой край, — призналась я. — И северное сияние и неизмеримый порт... Да и выше солнце не светит цельны сутками, как у нас сейчас!

И правда, в эту ночь солнце неизменно сияло за нами. Оно смотрело на город и на берег залива, где под тонкой чалхенской обойкой краинский порт говорил то же волное лягушачье. И она ве-рила каждому его слову.

Летом они, Летом стремитель-но. По утрам мы занимались, а вечером бродили по городу. О чём только не говорили в эти тихие, проходящие вечера! С каждым днем я взрослела. А в день по-

следнего экзамена срезала косы и сожгла тканью машину.

На выпускной вечер я пришла с Сашей. Конечно, я очень напре-влялась подружкам, гораздо меньше — моим читальщикам. Я знала, что они говорили обо мне: «Остались девоч-ка одна. Выскочит замуж. А ей бы надо учиться!» Но я не думала об этом, я находилась в том счастливом состоянии, когда люди просто ни о чем не думают.

В этот вечер мы много пели, танцевали, смеялись. Забравшись с девочками в укромный уголок, слушали Сашу, как он рассказывал о Симонове и первых фильмах. Саша казалась нам невырази-мо интересным и умным. Когда мы застопорили ее для героя Аллы Толстой, он выражал свое существоение толь-ко Вронским, в то время как все мы, конечно, оплачивали Аину Ка-ренину. Он был старше нас на це-лью семь лет!

Когда мы оставались вдвоем и по-шили бродить по городу, Саша крепко обнял меня и поцеловал, да так быстро, что я даже не успела испугаться.

— Ты никогда меня не пригла-шишь? — говорил он вдруг на прощание. — И так и уйду в море, не побывав у тебя!

— Когда вы уходите? — с тревогой спросила я.

— Завтра или послезавтра, — небрежно ответил Саша.

Эта новость в одну минуту ли-шила меня праздничного настроения. Я чуть не заплакала.

— Ну что ж, можно и в гости — решительно сказала я, — тем более, что сегодня мне и стеснитель-но некого. Соседка уехала на два дня в Константинополь, в Киринес.

Все и хороши, — обрадовалась Саша, — страш — как не люблю строгих соседей.

Ему очень понравилась моя ком-натка. Он долго стоял перед порт-ретом моей матери.

— У тебя такие же красные газы, как у нее, — сказала он, газы на меня.

Мы пили чай, читали стихи. И я все время ждала, что Саша заговорит о чем-то очень значимом: ведь он уходил в море, а я оставляла! Мне хотелось скажать ему, как я буду скучать по нему, как я буду ревновать к другим. «Он даже не спрашивал моего адреса, чтобы писать мне письма» — удиви-лась я, — и ничего не говорит о себе. А мне так хотелось рассказать о своей маленькой жизни, о том, что кончаются последние деньги, оставшиеся от матери, что надо решать, как жить дальше. Но, когда он смотрел на меня и гла-

САМОЕ ПАМЯТНОЕ

На заседании «Клуба знаменитых капитанов» мы пригласили сегодня трех капитанов.

Рекордсмена мира Нина Откаленко — победительницу многих крупнейших соревнований. Она, в частности, установила своеобразный рекорд, выйдя пять раз подряд чемпионкой мира по кроссу на призы газеты «Юмагнат». В этих соревнованиях Откаленко уже много лет является капитаном женской сборной команды страны. Фехтовальщик Яков Рыльский — капитан команды советских эспадристов. Он единственным из наших эспадристов, кто сумел завоевать почетный титул чемпиона мира. Ну, а о футболисте Никите Симоняне,

несомненно, знает каждый любитель спорта. Это он многие годы был центральным нападающим сборной команды СССР. В времена чемпионата мира 1958 года, когда Симонян покорил Швецию, он также являлся капитаном нашей сборной.

Сейчас Откаленко и Рыльский продолжают выступать в соревнованиях, а Симонян, закончив свой спортивный путь, перешел на тренерскую работу.

О чём же рассказывали участники сегодняшнего заседания «Клуба знаменитых капитанов»? О том, что оставил в их жизни самый замечательный след, о самых памятных событиях своей спортивной биографии...

КАК Я СТАЛ ЧЕМПИОНОМ

Конечно, для меня самым памятным событием в жизни стала победа в чемпионате мира 1958 года.

Сначала мы выступали в командных соревнованиях. Две дни выходили на дорожку, чтобы помечтаться сидами сильнейшими зарубежными мастерами. Это был своего рода марафон. Победителями в нем, как всегда, вышли венгры. Мы завоевали серебряные медали.

Затем начались личные состяза-

ния. Финалисты — это я и мой земляк Евгений Павловский.

Это француз Б. Лиффер, американец В. Каларезе и американец Р. Блон.

Легче всего поколых: их трое.

За несколько минут до начала финала мы с Давидом вышли из зала подышать свежим воздухом. Мы знали, что нам первым предстоит скрестить сабли. И вдруг Тышлер, как поджошенный, валится на траву. Свалю ногу. Да, ко-

мандные встречи и выход в финал дались ему нелегко. Я изо всех сил старался размыть его твердые, как камень, мышцы. Ведя впереди у каждого из нас было минимум по семь боев. Причем самых трудных, самых ответственных!

У Тышлера я выиграл сравнивательно легко. Следующий бой у меня с Охьрай. Охьра — молодой, высокий, резкий и злой боец. Он все время опускает руку книзу, надеясь на ответ в мой момент. Атаковать его очень опасно. И все-таки я решил наступать. Бой разыгрался, как по нотам. Я делал ложное движение вперед. Охьра был в темпе, но всякий раз мне удавалось перехватывать удар и нанести ему ответный. Охьра был настолько растерялся, что даже не мог сообразить, что происходит. Когда же он наконец обнаружил, что избранный им так-

Недавно я, уже как тренер, давал задание перед матчем молодому нападающему Валерию Рынинскому. Это было первый для Валерия матч в составе команды мастеров. Он очень волновался и все спрашивал меня:

— Скажите, а как вы прошли свой первый матч за «Спартак»? Удачно или нет?

— Нет, неудачно. Но это не

значит, что ты должен сыграть неудачно.

До этого матча навсегда останутся в памяти Валерия. Я согласился с Ниной Откаленко, которая считает свой первый старт чуть ли не самым памятным событием в жизни. Действительно, для спортсмена особенно дорого все то, что он отмечает словом «первый».

Помню, как мне пришлось впервые играть против мастеров. Я был тогда 15-летним пареньком. Жил в Сухуми. К нам приехали московские динамовцы. С ними встретилась наша мужская команда. И вот в разгар борьбы получила травму один из сухумских нападающих. Я находился рядом с тренером. Он подозвал меня и велел идти раздеваться. Вначала я не поверил, потому что совершенно испугался. Еще бы! Играть против мастеров!

Помню, как и первый матч за команду мастеров «Крылья Советов» (Москва). Случилось так, что этот матч состоялся в моем родном Сухуми. Поэтому болельщи-

НИКИТА СИМОНЯН РАДОСТИ И НЕУДАЧИ

Наши спортивные руководители почему-то не любят отмечать юбилеи. Так, один известный московский десятиборец отпраздновал недавно 40-летие своей спортивной и педагогической деятельности. С именем этого легкобега связаны славные страницы развития не только многочисленных и многих других видов легкой атлетики. И вот мы с моими товарищами из Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций почтительно считаем неудобным отметить этот славный юбилей. Ждут, по-видимому, когда цифра будет «круглой» — 50 или же 100. Дальше, почему, например, нельзя было отметить 70-летие со дня развития нашей стране легкой атлетики? Или тоже «некруглая» цифра? Но у нас есть, незадача, и группировка для 50-летия легкой атлетики в Москве, полувековой период со дня первых международных соревнований в нашей стране...

Думаю, это неправильно. Знаменательные спортивные даты следуют и даже необходимо отме-

чать. И отмечать торжественно, прививая тем самым любовь молодежи к спорту.

Конечно, я не тот многоборец, который может праздновать свой 40-летний юбилей. Но и мой спортивный стаж довольно солиден. На дне я помню серебряный юбилей, о котором и хочу рассказать подробнее. Кому это — одни из самых знаменательных событий в моей жизни.

В моем дневнике имеется такая запись: «2 июля 1950 года. Первый старт на 800 метров. Дистанцию пробежала за 2 минуты 42 секунды». За этой коротенькой записью скрывается все то, что определило мою спортивную судьбу. Как сейчас помню этот день. Мне, тогда работавшему Торгово-промышленным управлением горного оборудования, в городе Дружковка в Донбассе, довелось защищать спортивную часть звода на всесоюзных соревнованиях обществ «Шахтер» в Симферополе. Но не в легкой атлетике, а в велосипедном спорте.

В 22 года трудно мечтать о лав-

тический вариант обернулся прорывом него самого, было уже поздно. Справительство легкая победа над Охмурой лишила меня необходимой бдительности. Даум другим польским фехтовальщикам я проиграл. Особенно упорный был поединок с Павловским. У него превосходно разыгрывал дистанцию, идет, повторяю, ногами, может броситься вперед, ездит на скакалке. Короче говоря, с ним надо держаться ухо востро. Счет начинулся был 4:0 в пользу Павловского. Мне удалось отхватить один укол, второй, третий. Наконец, 4:4! Но на большее меня не хватило. Обидно прогрываети при счете 4:4! Зато теперь я по-настоящему разозлился.

Перед мной последним боем положение было таково: лирировал Тышлер; у меня, Павловского, Лиферса и Твердокенса было оди-

наковое количество побед. Но у меня оставалась еще один бой — с итальянцем Каларезе. Он решал все... Если я проигрывал, то делал место со второго по пятое, если побеждал, то набирал одинаковое количество побед с Тышлером и между ними назначалась дополнительная борьба для определения победителя.

Я и Каларезе на дорожке. Каларезе — невысокий, полный и очень подвижный. Каждая его атака сопровождается истерических криком. На слабонервного это может подействовать. Но я хорошо знаю Каларезе и спокоен. Уверенно, удар за ударом, я приближался к победе. Счет 4:0 в мою пользу.

И вот тут-то я совершил непростительную ошибку. Я решил рисковать, потянувшись вперед. Я ушел в защиту. Каларезе начал атаковать. Он захватил инициативу в свои руки, а я тем временем поте-

рез два сезона стали и чемпионами мира.

Да, у меня было немало памятных матчей. Одни радовали, другие огорчили. Вот хотя бы такой случай. Я забирало три отличных, красивых гола в ворота «Зенита». Такое не часто. Как не порадоваться! Не тут-то было. Финальная встреча оказалась прямо-таки плачевной: мы проиграли со счетом 3:4.

Но пожалуй, больше всего вспоминать мне придется приятные на чешской земле моря в Швейцарии. Лучшей нашей встречи там была первая игра с англичанами. Болевой, отличный матч. Мы были сильнее, перегрели противника. И только аванс ошибки судьи дала возможность англичанам уйти от поражения (2:2). Нам эта ошибка стоила минимум серебряных ме-

ралей. Да, да, не будь тогда дополнительного матча с англичанами, мы бы смогли отдохнуть и выиграть встречу у шведов. А это значит — мы вышли бы в финал чемпионата!

Немало упреков было сделано в адрес тренеров после чемпионата мира. В общем, упреки были справедливыми. Тренеры допустили тогда просчет при комплектации команды. В частности, в первом матче против англичан мы не вышли из-за усталости. Мы рвались в бой, но эта жажда борьбы не подкреплялась хорошим физическим самочувствием спортсменов. И мы проиграли!

Я напомню об этом не случайно. Очень скоро наша сборная снова примет участие в первенстве мира. Составляем эти также будущие очень трудными. И в ходе подготовки к ним наши тренеры должны помнить уроки прошлого.

Так решилась моя спортивная судьба. Я стала (к сожалению, слишком поздно) легкобегателью. В дальнейшем мне почти пятьсот раз приходилось выходить на старте. Были, конечно, и радости и огорчения. Но незабываемым для меня остается мой первый старт. Он всплыл в меня уверенность в своих силах. Разве могла я в том, 1950 году мечтать об установлении мирового рекорда! А ведь всего год спустя я стала не только обладательницей рекорда мира, но и чемпионкой страны.

Извините. Хочется подчеркнуть наших спортивных руководителей. В последние времена очень часто молодые спортсмены бросают легкую атлетику и начинают заниматься другими видами спорта. Спросите их: почему? Оказывается, в легкой атлетике необычайно трудно стать разрядником — сложнее, чем, скажем, в спортивных играх. И вот, пугаясь этих трудностей, молодые бегают туда, где легче. И это сплошь заговорщика об этом. Скорее будет введена новая спортивная классификация. И хочется попросить ее составителям: не выдвигайте разрядных норм по легкой атлетике! Добейтесь такого положения, чтобы первый старт не отпугивал молодого спортсмена от легкой атлетики. Первый старт, путь и не очень успешный, должен для всех оставаться событием памятным, событием радостным.

Финты. Он идет, идет... и противника неудержимо тянет налево ударам в темп наставнику. Именно этого ждет Тышлер, Мономахов, Твердокенс. Да, с Тышлером очень трудно фехтовать. Но я знаю одно его слабое место. В таких затянутых атаках Давид очень часто слишком опасно поднимает вверх кисть, и его можно на отходе ударить снизу по руке.

Я до сих пор не уверен в правоте первого нанесенного ему укола. Я сделал очень длинный выпад и глубокое движение по правому боку. Если удар и состоялся, то очень легкий, едва заметный. Так и не знаю, кто выиграл эту борьбу. Это вывел Давид из равновесия. Он стал бояться в самых неожиданных атаках, которые были выгодны только мне. Он проиграл. Проиграл со счетом 2:5.

Так я стал чемпионом мира.

ко у меня было много. Играя я, говорят, неплохо. Забыли единственный, тот, который принес мне победу.

А вот свой первый матч за «Спартак» я провел неудачно. Неранчук. Хотел сделать как лучше, но ничего не выходило... Что ж, спортивные пути не бывают гладкими, они усыпаны не только розами.

«Спартак» стал моей родной командой. И это, наверно, оттого, что моя жизнь очень тесно переплеталась с биографией этого коллектива. Ведь моему появлению спартаковцев предшествовало честное возвращение «Спартака». Помню, как мы радовались, когда в 1949 году заняли третье место. Это был успех спартаковской молодежи! Затем в 1950 году мы выиграли Кубок СССР, а еще че-

далей. Да, да, не будь тогда дополнительного матча с англичанами, мы бы смогли отдохнуть и выиграть встречу у шведов. А это значит — мы вышли бы в финал чемпионата!

Немало упреков было сделано в адрес тренеров после чемпионата мира. В общем, упреки были справедливыми. Тренеры допустили тогда просчет при комплектации команды. В частности, в первом матче против англичан мы не вышли из-за усталости. Мы рвались в бой, но эта жажда борьбы не подкреплялась хорошим физическим самочувствием спортсменов.

И мы проиграли!

не берегли ведущих игроков. Мы очень устали и только из-за этого проиграли шведской команде.

Помню, как в день матча со шведами всех нас вызвали к руководителям delegacji.

— Как себя чувствуете? Выдержите ли два тайма борьбы?

Что можно было ответить? Желания бороться было огромно. Но ведь если наше национальное лицо не выдержит от усталости, мы разнесли в бой, но эта жажда борьбы не подкреплялась хорошим физическим самочувствием спортсменов. И мы проиграли!

Я напомню об этом не случайно.

Очень скоро наша сборная

снова примет участие в первенстве мира. Составляем эти также будущие очень трудными.

И в ходе подготовки к ним наши тренеры

Неразгаданная тайна Йошкар-Олы

Среди жителей города Йошкар-Олы, как и в деревне издавна бытует легенда о существовании под землей подземных ходов. Как утверждают в легенде, здания нынешних пивоваренного завода, прокуратуры и других учреждений завода торгового оборудования, связанны подземными ходами. Согласно легенде, что один подземный ход проходит под дном реки Малая Йошкар-Ола, связывает город с деревней, находящейся в двух километрах от Йошкар-Олы. Дороги, никакие факты, указывающие на существование подземных ходов, не были обнаружены. Легенда осталась.

В начале нашего века нечто подобное было обнаружено в Йошкар-Оле, в самых путевых заметках опубликованных в приложении к газете «Наша земля». В XVI столетии вокруг Царевоникольской церкви находилось название «Конишиаги». Согласно легенде, в то время в городе было множество подземных ходов, но только шли укрепленные стены, а были деревянные стены, в которых были поломки и разрывы. Мужчины думают, что древнее укрепление было построено для защиты от врагов, отстоящее на 34 версты. Излагая результаты осмотра, геройского участника конишиаги, Мышонова, пишет в этом д报е: «Действительность подтверждается на мысль о подземных ходах». Сообщение Мышонова опубликованное почти шесть-

столетий подземных ходов. Во-первых, в подземных подвалах, в подвалах домов, в подвалах под зданиями, под землей или под его двором, во-вторых, неизвестно сколько под землей и соседями. Всё это необычайное происшествие, на перекрестке улиц Красной и Маркса, в самом оживленном месте — обвалилась часть проспекта асфальтированной дороги. Образовалась яма диаметром около двух метров. В месте провала, в трех метрах от края ямы, находились три подземных хода, идущих в разные стороны: вправо, влево, вперед. Прокуратуры, в стороне пивоваренного завода и реке Малая Йошкар-Ола.

Кто, когда и с какой целью прокопал эти подземные пути, никому их difficult to say. Либо, как говорят, с лесом, — ответить на эти вопросы пока что трудно. Весьма любопытно является лишь тот факт, что подземные сообщения под городом существуют. Построены они тщательно, прочны. Ширина ходов и высота их — около двух метров. Кирпичи и облицовка раствором известки с песком, свод укреплен железной арматурой.

Можно предположить, что подземные ходы построены в XVI веке для обороны города как опорного пункта Московского государства. Известно о том, что в правление Казанского царства, и имеется важное стратегическое значение.

Подробное изучение этого исторического памятника должно дать дополнительные сведения о связи Ярославского края с Москвой.

И. ЛЕБЕДЕВ

г. Йошкар-Ола.

ФУТБОЛ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Спользящий удар.

Сухой вратарь.

Атака захлебнулась.

Рисунки В. Недогонова.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28.

ЗВОНИТЕ НА ТЕЛЕФОНОМ:

Секретариат — Д-3-34-24, Отделы: литературы и искусства — Д-3-35-24, сферы и публичности, культуры и спорта — Д-3-31-68, науки и техники, спорта — Д-3-38-82, международной жизни, информации — Д-3-36-90, писем — Д-3-31-69, оформления — Д-3-34-22.

По горизонтали:

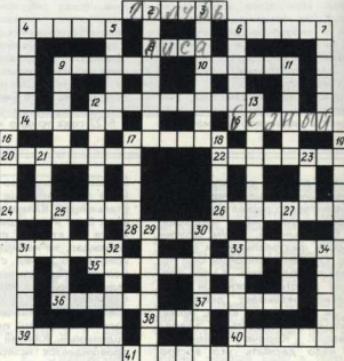
- Птица, ставшая символом мира. 4. Казахский народный певец и поэт Ханымбай Каныбеков, автор памятника, который расположился в Кантон. 8. Ценный пушниный зверь. 10. Крупнейший культурный центр в берегу Аму-Дарье. 12. Беловолосая чайка, живущая в Азии. 14. Союзная республика. 15. Русский поэт, рабочий, автор «Слова о полку Игореве». 17. Кустарник. 20. Французский общественный деятель, лауреат Ленинской премии. 22. Прибор для измерения температуры. 24. Герой русских былин. 26. Гармонь. 28. Краснодарский край. 30. Товарищ по занятию, борба. 31. Чешский поэт XIX века. 32. Вид спорта, динамика воздуха. 33. Повесть А. С. Пушкина. 36. Курорт в Крыму. 37. Азотистая соль, производимая из морской воды. 38. Стойность вещи, услуги. 39. Тригонометрическая функция. 40. Американский поэт-демократ XIX века. 41. Летний месяц.

По вертикали:

- Бывшая часть корпуса струнных инструментов. 3. Автор «Геронтийской» симфонии, композитор, член научно-исследовательской Комиссии Камчатки. 6. Повесть Ю. Лиденинского. 6. Одеяжда в Индонезии. 7. Русский писатель, автор романа «Песнь о Монголии». 9. Птица, обитающая в алтайской тайге. 11. Дом, в котором родился Пушкин. 13. Поморский город на Украине. 15. Стихотворная строка из поэмы «Руслан и Людмила». 17. Южный стоящийся мистик. 18. Согласие на оплату финансовых долгов, выданное войсками народных восстаний на Руси. 21. Автор сказки «Русалка». 23. Книга, написанная Е. М. Салтыковым-Щедриным. 25. Река в Китае. 27. Документ, включающий способности. 29. Советский писатель-историк из Кургана. Несторыя премия. 31. Дальвосточная лодка. 32. Фламандский живописец. 33. Гражданская война в Демократической Республике. 34. Ученый, открывший закон всемирного тяготения.

КРОССВОРД

Составил Р. МУХАРИМОВ
(Ленинградская область).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

- Уравнение. 8. Аспира-тор. 9. Курорт. 10. Фараон. 12. Астрон. 13. Изотоп. 14. Альбинос. 17. Конь. 18. Альбинос. 19. Агитатор. 21. Идеограмма. 22. Объединение. 27. Само-транспорт. 28. Скапула. 32. «Ам-рик». 34. Крамон. 35. Динки. 36. Ронконгона. 37. Дарвина.

По вертикали:

- Професор. 3. Кедров. 4. Фибролит. 4. Эстади-он. 5. Вихар. 6. Ломоносов. 7. Альбинос. 11. Ари-ада. 15. Сенобиор. 16. Тара-телия. 18. Одиссова. 23. Барбурс. 24. Колыбель. 25. Тирас-полис. 26. Великий. 28. Ласточка. 29. Арнинас. 32. Дракон. 33. Сокхоз.

Первая странница обложки:

Известная эстонская актриса Эви Кинн — исполнительница главной роли в первом советском напечатанном художественном фильме, съемки которого ведутся сейчас в Таллинской киностудии (см. фотографии «Ровесники» публикации).

Фото М. Муразова.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: М. Н. Алексеев, Ю. Н. Вер-ченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Д. Ни-колаев [заместитель главного редактора], Е. И. Рябчиков, А. А. Сосин, С. С. Слапский, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор А. Ерасов.

А 06401. Подписано к печати 15/XII 1960 г.
Цена 800 рублей 95 коп. Изд. № 1188.
Заказ № 1840. Формат бумаги 70×108½.
2,25 л. б. — 6,17 л. п.

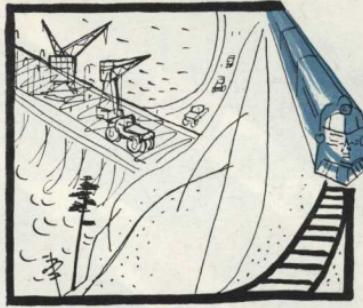
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени Н. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

И снова в окно вырывается день.
Все дальше уходит зеленый экспресс. Рядом с
рельсами висят мачты, натянутые
сверкающими
нитями электрических артерий. Сколько там людям
несет она свет и тепло, скольким городам, селам и
рабочим поселкам дает живительную энергию, могу-
щую превратить, рожденную генераторами гидроэнерго-
станций!

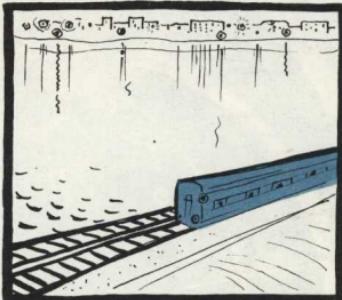

Стрелка веет поезд в зеленый коридор. За окном — глухая тайга. Впрочем, глухой ли? Стучат колеса, шумят ридоны с поездом ветер, и не слышно, как за окном в редких промежутках удачных буферов, визжат электропилы и раздаются голоса людей. Далеко отступила глухая тайга! В тайгу свежим ветром ворвалась кипучая жизнь.

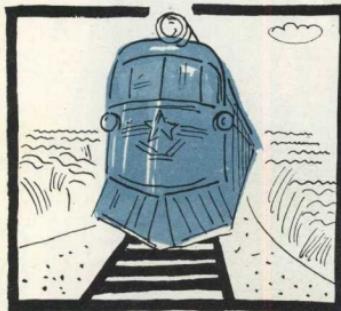

А вот и сама ГЭС. Высокая плотина перегородила
руслу реки. Наверно, вступали в строй лишь первые
гидроагрегаты, где работают краны, спешат автома-
тические вспомогательные машины центробарик...

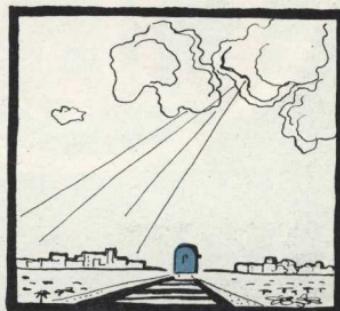
— Привет вам, строители! Привет и слава вам, по-
корители бурных рек!

Вот у этой реки, может быть, всего лишь два-три
года назад были пустынны берега. А теперь в раз-
ной глади воды отражается вечерний город. Останови-
ть бы поезд, выбежать из вагона да переправиться
через реку! Наверняка в этом городе встретят моло-
дых инженеров словами привета... Но дорога уводит
далее.

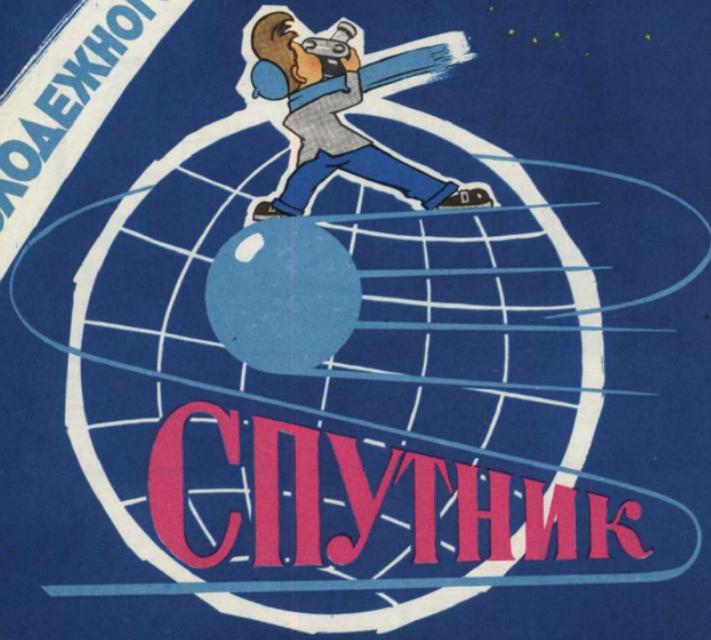
Она вырывается на целинный простор, в неогля-
ное море хлебов. Гуляют по нему золотистые волны.
Скоро, очень скоро поплынут по нему первые степ-
ные корабли...

Мчится зеленый экспресс. Куда уносит он молодые
сыновья народов? Куда, куда? И вдруг один из них
оказался вдалит! А может быть, еще дальше, и самому
Океану! Что ж, улетая в дальнем дали, уноси моло-
дых, беспокойных туда, где ждут их работа, и первые
трудности, и первые радости...

Цена номера
2 руб.

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Спутник

ОРГАНИЗУЕТ ДЛЯ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ
ЗАРУБЕЖНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

НАШ АДРЕС: МОСКВА, К-104, СПИРИДОНЬЕВСКИЙ, 5